

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 6 (87) 2012
ноябрь — декабрь

ДАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

Тема номера:
**ЧЕЛОВЕК СМЕРТЕН,
И ЧТО ИЗ ЭТОГО
СЛЕДУЕТ?**

- Зачем нужны новые епархии
- Белинский: «Я – солдат у Бога»
- Картошка – отзывчивая культура

...И вовек не согрешишь

Монахиня Елисавета, игуменья Свято-Троицкого Стефано-Махрицского ставропигиального женского монастыря, – собеседница на редкость благодарная. В этом я убедился еще год назад, когда мы точно так же сидели в монастырской беседке. Результатом той встречи стала публикация в «Лампаде» № 6 за 2011 год. Тогда же мы договорились о новой беседе для журнала. Как и в прошлый раз, начали с темы номера, но потом вышли далеко за ее пределы. Сегодня беседа перед вами.

Павел Демидов

– Мне кажется, сознание того, что ты смертен, оставляет мало вариантов для образа жизни. Или ты исповедуешь принцип «однова живем!» и существуешь только земными делами, или думаешь о себе за порогом земной жизни, то есть заботишься о своем посмертном будущем. Что вы думаете об этом?

– Прежде всего то, что первый принцип лично мне был глубоко чужд даже тогда, когда была еще далека от веры.

– Вы никогда не оказывались перед выбором – как жить? Счастливый человек: вам всегда все было ясно.

– Я бы не сказала. И у меня, как у любого живого человека, бывали сомнения, затруднения, искания... Заблуждения.

– У Маяковского есть прекрасные слова: «Тот, кто постоянно ясен, Тот, по-моему, просто глуп».

– Вот видите, даже пламенный поэт революции был не чужд обычных человеческих слабостей. Но я имею в виду другое. Призыв брать от жизни все, который звучит все настойчивее, не только не перспективен, но и попросту нереален. Жизнь неисчерпаема, потому что вечна. Я имею в виду жизнь души, то есть главную составляющую человеческой личности. Потому так оптимистичен совет святых отцов: думай о смерти – и вовек не согрешишь.

– Не грозит ли родиться из этого пессимизму?

– Ни в коем случае! Смерть нельзя воспринимать как трагедию. Это мирское отношение к смерти. А должное отношение – это, если хотите, проявление христианского смирения. И потому христианин должен вести себя спокойно, трудиться, пока есть хоть малейшая способность...

– Возьмем человека, который когда-то был неверующим, а сейчас пришел к вере. Таких у нас большинство, верно? Изменилось ли у него отношение к смерти с изменением его духовного состояния?

– Должно измениться. Иначе какой же он верующий? Это не значит, что теперь он постоянно будет думать о смерти. Просто надо понимать, что она неизбежна, а когда уж она наступит – на то воля Божия. Живя земной жизнью и зная, что после нее наступит иное пакибытие, надо к этому готовиться, заботиться о своем будущем, исполняя заповеди Господни. Это и есть, по-моему, думать о смерти. Люди по-разному готовят себя к окончанию своего земного пути. Кто-то стремится больше к духовному устройению жизни, к молитве, к большому единению с Богом. Кто-то приближает себя к Нему трудами своими. Главное – насколько максимально возможно, жить не только для себя. Естественно, мы не можем полностью отречься от себя, поскольку вынуждены существовать в теле, но не должны превращать пребывание в себе в самоцель.

– Неверующего человека, наверное, невозможно приучить к спокойной мысли о смерти. Он всегда будет относиться к этому драматически, даже трагически, наверное.

– Я подробно не беседовала об этом с неверующими людьми, но думаю, вы правы. Отношение к смерти – это, я бы

сказала, своего рода тест на веру. У неверующего человека, хочет он того или нет, поведение, образ мыслей, система отношений с окружающим миром – все словно выдает его уверенность: все, мол, умрут, а я-то еще поживу. Люди чаще задумываются о смерти уже на склоне лет, когда начинают умирать близкие, друзья.

– Когда мы говорили накануне, вы очень убежденно сказали: человек должен умирать не в одиночестве, а в окружении своих близких, дорогих ему людей, в любви и теплоте душевной, чтобы его провожали, сопровождали. Это существенно для факта смерти?

– А как же! Смерть и красота – понятия, казалось бы, несовместные. Но как умирали две великие игуменнии – матушка Варвара из Пюхтиц и матушка Никона из Шамордино! Их смерть была настолько благолепной, что не оставляла места горю.

– Как у Пушкина: печаль моя светла.

– Именно! Их окружали любящие люди, их сопровождала постоянная молитва и до, и поле кончины. Обе до последних дней жили очень деятельно, пусть слабели физически, но духом оставались очень стойки.

– Можно сказать, что для неверующего человека смерть это окончание жизни, а для верующего – только продолжение?

– Для кого конец, для кого начало – то суды Божии. Наверное, и не верить можно по-разному....

– Ну, если он категорически не верит в жизнь вечную. Если считает, что со смертью все кончается.

– Говорят, когда человек умирает или близок к смерти, ему многое открывается. И даже неверующие часто зовут священника. Мало кто умирает... ну, совсем никак. Кроме, разуме-

ется, случаев внезапной смерти. Одна женщина мне рассказывала: когда у нее умирала мама, она до последнего дыхания находилась при ней, соприкасалась вплотную с Таинством смерти. Мама ее умирала примиренная с Богом, хорошо, светло умирала. Все вокруг рыдали, орали, а мама не понимала, из-за чего, потому что перед ней был неземной свет. И она с легкостью отошла в жизнь вечную.

– Что такое, по-вашему, непостыдная смерть, о которой для себя просят Господа православные люди?

– Я считаю, что это моление к Богу о том, чтобы человек спокойно перешел в новое состояние со спокойной совестью. Это значит исповедаться, причаститься, пособороваться, вспомнить свои грехи, примириться со всеми... Чтобы это была не страшная кончина, а именно примирение с Богом.

– А в жизни, в миру? Вера помогает человеку примириться с миром, интегрироваться в него, приспособиться к условиям мирской жизни или, напротив, помогает ему отъединиться, уйти от этого мира? Или это зависит от конкретного человека?

– Человек приходит к вере... Сразу хочется немедленно спастись, заповеди все исполнить, даже появляется некий фанатизм: надо ходить так, смотреть так, думать так. То есть все должно быть, как положено святыми отцами. И ты уже хочешь проповедовать, говорить о своей вере... Я опираюсь в основном на собственный опыт, но так идут практически все.

– Своего рода неопитское миссионерство.

– Именно. На самом деле это хорошее чувство, потому что намерение хорошее. Ты пребываешь в состоянии некоего подвижничества – много молишься, старательно постишься... Это все замечательно, но постепенно сумбурное движение внутренних духовных сил приобретает упорядоченность, и наступает пора выбирать. Кто-то в монастырь уходит, не желая связывать свою жизнь с миром, с мирскими заботами. Другие адаптируются в миру...

– То есть не следует верующего мирского человека стараться увести подальше от этой жизни, чтобы он, образно говоря, выбросил в окно телевизор, выключил радио и теле-

фон, перестал читать газеты и только молился, молился?..

– Не только можно, но и нужно сделать такой вывод: нельзя превращать мирскую жизнь в монастырь... Как и монастырскую – в мирскую.

– Что, по-моему, и не получится.

– Совершенно верно! А это и не нужно. Если ты член Церкви Христовой, то даже не имеешь на это право. Или ты уходишь в монастырь, и это твой путь. Или ты находишься среди людей и замыкаешься, удаляясь от них просто не вправе, ибо должен нести им слово Божие. Ведь сейчас не нужно скрывать свою веру. Как говорил Патриарх Алексий? Вера не доказывается, а показывается. Другое дело, что с воцерковлением человека неизбежно меняется его окружение. С иными становится просто неинтересно: это те, кто упорствует в своем неверии, и переубедить их невозможно. Но что поделать? Насильно мил ведь не будешь. Верующего человека начинают сильнее цеплять некоторые несуразности жизни, что-то его шокирует, хотя раньше он не обращал на это внимание. Ведь даже светские люди зачастую не могут общаться между собой, что уж говорить о верующих и неверах. Но на то ты и христианин теперь, чтобы не давать волю своим страстям, чтобы смиряться, спокойно и с пониманием относиться к слабостям и недостаткам. Господь устроил жизнь на земле очень разнообразной, и не нам менять этот порядок. Просто не надо его портить, вот и все.

– А как быть, если верующий оказывается среди явных недоброжелателей Церкви? Сейчас это, кстати, довольно распространено.

– Да, на этой почве нередко возникают конфликты. От хулителей Церкви и Бога надо уходить, так учит Евангелие. С этими людьми общаться не надо. Сказать – да, постараться вразумить, а если видишь, что бесполезно, – отстраниться.

– Не хули и не принимай, да?

– Конечно. Спорить с ними бессмысленно.

– Это как раз и есть метание бисера.

– Совершенно верно, метание бисера. Раньше на работе на меня даже смотрели с опаской, зная, что я верующая. Сейчас все иное. Однако конфликт с

миром внутри каждого человека хоть небольшой, но существует. Может быть, это и хорошо для верующего – учит его смирению и терпению, учит любви.

– Помните, у нас как-то заходил разговор об ангельском образе монаха? Вы говорили, что да, монах к этому должен стремиться. Но достиг он его или нет, он все равно являет собой пример для мирских людей, так? Служит как бы эталоном.

– У старцев есть такое высказывание. Сейчас монахи – как прежде были верующие миряне, а миряне – уже и во все... Это они говорили о своем времени. Но и сейчас так же. Нынешние монахи, хоть они и слабенькие, духовно и физически, однако стараются жить по заповедям Христа.

– Главная задача монаха – это личное спасение или миссионерство тоже?

– А кому что определено. Вначале, когда человек приходит в монастырь, то есть только вступает на этот путь, конечно, он занимается больше своим спасением. Он несет послушание, живет по уставу. Ему не благословляется никаких дружб, никаких товарищеских общений, разве что только по делу. Человек должен знать: он не просто меняет место жительства – он меняет образ жизни. Занимается очищением своей души. От грехов, от страстей. Общаясь с братьями, с сестрами по вере, начинает видеть свои недостатки. В монастыре все по-другому открывается. Начинается борьба с собой. Молитва, исповедь, чтение литературы... Все это – своего рода поводьры на его новом пути. По мере приобретения навыка, духовного опыта, то есть когда ему уже есть что сказать, есть чем поделиться, в нем неизбежно открываются миссионерские способности. Он понимает, что теперь без вреда для себя, для своей души может что-то дать людям. Все это больше относится к мужской части монашества. Женское монашество – это немножко другое, его надо больше оберегать, потому что здесь искушений и соблазнов больше. Есть у нас сестры, которые в школе преподают, в приюте, с прихожанами общаются, отвечают на вопросы, экскурсии по монастырю проводят... Но в целом для нас миссионерство – это все-таки сложно. На

монашествующих женщин смотрят как-то странно, порой даже нехорошо. Честно говоря, не понятно, почему. И все же монашество как институт для людей свято в любом случае. Но главная тяжесть миссионерства лежит на священниках, которые служат в миру. Именно на них основное бремя просвещения людей, их воцерковления, воспитания церковной культуры. Сейчас наше общество особенно остро нуждается в духовном просвещении. Речь не идет о каких-то высотах или глубинах – порой требуется элементарная грамотность. Смотришь на иного прихожанина – и не понимаешь, христианин он или язычник. Недавно был такой случай. Вышла я из храма, знаете, у нас за алтарем надгробья? И сидят на них молодые люди, фотографируются, чуть ли не разлеглись. Люди возмущались, стали им объяснять, что это могилы... ну и так далее. Они ничего не поняли. Посмеялись... Надо было, конечно, к ним подойти, но я так возмущалась, что просто не смогла. Ужасно, когда люди не понимают, что такое святотатство.

– **К сожалению, много в жизни изменилось. Люди теперь не читают, а сканируют, не смотрят, а скользят взглядом. Клиповый, скачкообразный монтаж на телевидении и даже в кино. Чтобы быстро, чтобы мгновенно. Конечно, сыграли свою роль компьютерные технологии. Произошли большие изменения в психике человека. Совсем другие скорости. Я себя ловлю на том, что порой, когда слышу речь молодых людей, не успеваю порой ее воспринять. Сегодня главное – уловить смысл и спешить дальше. Ждет мир развлечений, удовольствий, соблазнов... А написана ли корова через ять – не имеет значения. Они просто скользят по жизни. Честно говоря, мне их жаль.**

– Но в то же время я слышу от некоторых, да и сама порой наблюдаю, что растет поколение, для которого существуют иные ценности, чем просто чувственное наслаждение жизнью.

– **Не только растет – уже выросло. Помните нашего Петю? Его первую исповедь принимал отец Порфирий еще в старом Петропавловском храме. А сейчас Петя уже специалист с высшим образованием. И сколько**

Храм во имя преподобного Стефания Махрицкого

у него прекрасных товарищей, одноклассников, сослуживцев!..

– Я смотрю даже по нашей Махре. Простая деревня, довольно далеко от Москвы, а среди прихожан много молодежи. Когда приезжал Святейший, он отметил это и был очень рад. На елеопомазании он сказал, прошло человек триста, много было молодых мужчин. Я, честно говоря, боялась: вдруг никто не придет, но вижу – полный храм народу, и все с таким благоговением подходили к Патриарху. Их же никто не тащил в церковь. Я знаю одного нашего прихожанина, который начинал с того, что просто однажды приехал к нам. А потом я стала видеть его все чаще, и по тому, как он молился, было видно, что человек духовно растет. Он вполне благополучен, нет никаких житейских проблем, так что к Богу пришел не от безысходности. Однажды мы с ним разговорились. Зная по опыту, как мир крутит людьми, я спросила его: «А может случиться, что ты отойдешь от Церкви?». И услышала в ответ: «А куда я теперь без вас?». Такие слова дорогого стоят. Человек стал задумываться над смыслом своей жизни. Неужели поел, попил, сходил куда-то – и все? Кошмар и ужас какой-то!

– **Сколько встречаешь людей озлобленных, обиженных, вечно всем недовольных, особенно среди пожилых. Молодость, здоровье, работа, любовь – все в прошлом, а что взамен? Пустота. Перефразируя Чехова, можно сказать: человек соз-**

дан для веры, как птица для полета. Лиши птицу возможности летать – и она превратится неизвестно во что. Так же и с человеком. Мой отец был таким. Несчастные люди! Мы еще долго будем пожинать эти горькие плоды.

– Если не прийти к вере, такое будущее ждет каждого. А вот простые бабушки наши, которые в храм ходят, они совсем иные. Лица светлые, глаза ясные, сама еле идет, на палочку опирается, а от нее столько добра исходит...

– **Я обратил внимание на одного дедулю у вас. Маленький такой, сухонький, весь в орденах...**

– О. это наш ветеран, представляете – ему девяносто! Раб Божий Виктор. Три войны прошел. Капитан первого ранга. Мы его 9 мая чествовали, благодарили, а он нам: «Это вам спасибо».

– **И все же: как вы думаете, дистанция между миром и верой сокращается или, наоборот, растет?**

– Мне кажется, отходят те, кто пришел случайно. Понятно, Церковь – живой организм, у него тоже есть недостатки. Но выправлять их должны не посторонние, которые в этом вообще ничего не понимают, а люди внутри-церковные, глубоко воцерковленные. А вообще это Божие призвание – кого Он в Церковь приводит, а кого – нет.

– **Это вообще тайна великая.**

– Отпали – ну и отпали, значит, не очень-то были внутри. Господь кого приводит к вере, того приводит. Пото-

Любовь к отеческим гробам... И ее нужно прививать

Мать игуменья привнесла в обитель стиль любимых Пюхтиц

му что человек и Бог – это совсем другие отношения. Человек сначала к Богу приходит, а потом – в Церковь.

– **Да, тут уж не зависит от того, какой это человек. Читал он или не читал, что там пишут про Церковь.**

– А про Церковь – ой, пишут!.. Но лично я не очень осведомлена в этом вопросе.

Думаю, что те, кто специализируется на «разоблачении» Церкви, видят в этом безопасный способ заработать. В суд за клевету на них никто не подаст, а за скандалчик с душком можно

получить свои серебрянники. Некоторые так просто меняются в лице, когда заходит разговор о Церкви. Слышать не могут это слово. Есть люди, которые делают много добра, но при этом ненавидят попов. Я спрашиваю: а почему? Ты даже не переступил ни разу порог храма, не понял, что это такое.

– **Как вы думаете, почему так?**

– Причин может быть много. В Церкви надо внутренне трудиться. Они это чувствуют, но сами не хотят этого. Возможно, когда-то такой человек встретил священника, который

поступил с ним не должным образом. В Церкви же не ангелы, а обычные люди. И тоже с трудностями, с проблемами, со своим характером. А то в миру, можно подумать, все честные, святые и замечательные. Что ни говорите, с верующим человеком легко и хорошо

– **Наверное, оттого, что понимает свою греховность, и потому с большим пониманием относится к другим.**

– Главное, ему лучше удается справиться с присущей всем нам гордыней.

– **Вы наверняка знаете телепередачу «Пусть говорят».**

– Ее все знают.

– **Основная причина ее успеха, мне кажется, в том, что она провоцирует людей возвышаться в своей гордости и тщеславии.**

– Что вы имеете в виду?

– **Каждый участник, глядя на героев передачи, думает с удовлетворением: а я не такой!**

– Мне тоже интереснее смотреть на тех, кто в зале, а не в центре. Вот уж иллюстрация к евангельскому «не судите, да не судимы будете». Но у меня такое ощущение, что все это старо как мир, что так было и 500 лет назад. Может, в силу возраста. Все это брожение умов.

– **К вопросу о брожении. Как себя вести мирскому верующему человеку?**

– Вы имеете в виду политику?

– **Ну, хотя бы гражданское неповиновение.**

– Я считаю, что это плохо. Власти надо подчиняться. И время наше не нужно хаять. Мне, церковному человеку, кажется: лучшего времени никогда не будет. А то, что в политике, в хозяйстве что-то неладно, так, может, стоит и на себя самих посмотреть? Я уважаю нашего Президента. Что дурного в том, что Президент в храм ходит, стоит на службе, общается с Патриархом? Лучше, чтобы он, как Хрущев, обещал показать последнего попа? Не понимаю!

– **Иными словами, всякая власть от Бога?**

– Ну, если все вообще от Бога, значит и власть тоже. Что тут удивляться?

– **И даже самый-самый злодей?**

– А если самый-самый, значит мы того заслужили. Прежде всего, смо-

треть надо на себя, а не искать врагов извне. Да, в России живут тяжело. А при чем, простите, Президент и его окружение, если мы пьянствуем, ворует, врем, бранимся, деремся? Вы видели, что творится на автобусной остановке рядом с монастырем? Все заплывано, завалено мусором, изгажено. Вроде бы мелочь, но это образ, стиль жизни, значит, и отражение сознания. О какой духовности можно говорить? Увидеть у нас спокойного, мирного, интеллигентного человека – редкость. Кто нас должен переделать? Только мы сами. Еще раз хочу сказать: я, наверное, не знаю жизнь так, как человек, живущий в миру. Но я рассуждаю с позиции веры. С позиции политика или хозяйственника – не могу, не имею права. Если бы жила в миру, все равно политикой не стала бы заниматься. Была бы многолетней, чадолюбивой матерью и старалась бы, чтобы мои дети выросли хорошими людьми. Этого мне вполне бы хватило.

– **У вас, действительно, несколько идеализированное представление о нашей действительности, в том числе и о власти. На самом деле все не так розово. Жизнь по ту сторону монастырской ограды значительно суровее.**

– Возможно. Я, действительно, не очень хорошо знаю мирскую жизнь. Но и не берусь судить ее и тем более пытаться исправить. А если говорить о власти... Что такое власть? Или кто такие представители власти? Ведь все это совершенно конкретные люди. Вот сейчас у нас глава района, наша власть, вполне нормальный человек, с которым можно общаться, вопросы решать. Он приезжает на службы, исповедуется, причащается... Почему я должна быть против такой власти? Это не значит, что я прямо-таки всем довольна. Например, дороги у нас плохие. Но я знаю, что нет денег. Разве это повод бунтовать? У нас, к слову, с местными властями всегда были хорошие, мирные, доброжелательные отношения. Мы со всеми дружили, и даже тогда, когда еще было почти советское время. Разве это плохо?

– **В общем, вы с оптимизмом смотрите на жизнь.**

– Если я с Богом, о каком пессимизме может быть речь? Опять же, вернемся к тому, с чего начинали, – к

вопросу о смерти. Все мы умрем в конце концов. Раньше, позже... При этой власти или при другой... Конечно, для меня, как человека верующего, руководителя церковной общины, для меня самое важное – чтобы власть к Церкви относилась хорошо, способствовала ее процветанию. Это самое главное. Я считаю, что без Церкви России быть не может, это начало начал. Отсюда и мое отношение к власти.

– **Я убежден: если веры не будет – ничего не будет. И потому законы, которые принимаются людьми, непременно должны исходить из Божественных установлений. Если это считать слиянием власти и Церкви, то я – за такое слияние. Если же земные законы создаются только для личного удобства тех, кто их принимает, они не перспективны, они жизни людям не исправят.**

– Когда человек встречается с Богом, то есть когда свободно входит в Церковь не с черного хода, для русского человека с этого начинается его родина. Мы с вами пережили другое отношение к Церкви. У меня даже было желание уехать из страны, потому что я не могла смотреть на все это. Когда нельзя было повесить иконочку Иоанна Кронштадтского, потому что, не дай Бог, кто-нибудь увидит. Если бы я этого не пережила, то, наверное, счастье сегодняшней жизни не смогла бы ощутить так остро. Современных молодых людей, их индифферентное отношение к вере, пожалуй, можно понять: они не знали того, что видели мы.

– **Ну а как вы думаете: будут ли ходить люди к православию?**

– Приходят же! И даже те, кто критикует Церковь. Нам это полезно, потому что помогает не терять трезвый взгляд на себя. Это заставляет держать спину. Ведь на нас смотрят, о нас пишут... Лично меня это дисциплинирует, и хочется не давать поводов.

– **Как вы думаете, можно ли считать, что природа критики Церкви частично идет от того, что люди хотят видеть ее примером, а она не всегда оправдывает их ожидания?**

– Пожалуй. Тем более мы должны строже спрашивать с себя сами. Я думаю, мы немного расслабились.

– **Это очень важное, очень серьезное наблюдение.**

– Я имею в виду нас, так сказать, рядовых солдат Церкви. Мы жили очень трудно, а тут вдруг... раз! – и покой, тишина, благоденствие, благополучие... Вот и те батюшки, с которыми случились неприятности, наверное, тоже расслабились. Кто-то больше, кто-то меньше. Сан священника – еще не гарантия от соблазна. Для меня, например, это было уроком. Стала вспоминать, когда, где, при каких обстоятельствах дала себе слабину. Уверена: кто-то тоже стал вспоминать. И тоже внутренне подтянулся.

– **Если Господь такое попускает, то, видимо, как раз для того, чтобы другие задумались. Не будет таких примеров – о чем же задумываться?**

– Совершенно верно, а уж кого Господь избирает для примера, на то Его воля. Тебе Бог послал что-то через какого-то благодетеля, так это вовсе не твоя заслуга. А некоторые забылись, вот и попали в ситуацию. Иными словами, забыли, что здесь, на земле, мы все словно в командировке, а наш дом – там, в мире горнем, и ничего, кроме своих грехов, мы отсюда туда не возьмем.

– **Полезно вспомнить притчу об управляющем.**

– Вот-вот. На этих батюшках отразилось наше общее расслабление. Если не мы попались, это не значит, что за нами ничего не числится. Но при всех условиях испытания, которые нам посылаются, надо воспринимать со смирением, с терпением, не забывать слов Марка Подвижника, который говорил, что ты ни совершил – дурное ли, хорошее, – все к тебе вернется. Лично я об этом помню всегда, живу себе и думаю: раз Господь мне что-то послал, значит, я это заслужила. И моя задача – разобраться в себе, понять – что именно. Но никогда не роптать. Эта ржавчина так разъедает душу, что незаметно для себя начинаешь смотреть на мир только через черные очки. Глянешь за окно – там лист жухлый, вот уже дождь идет, все плохо. Я сама это пережила. Так что лучше отсекай сразу, на корню. И то же относится к осуждению.

– **А как это соблазнительно! Укорить другого и тем возвысить себя.**

– Не роптать, не осуждать! Если не искать в человеке дурное, а постараться

увидеть хорошее, а оно есть в каждом, поверьте, очень легко жить. Я пришла в Церковь, вы знаете, сразу – шагнула из мирской жизни, и следом за мной пришло много мирских соблазнов. Батюшка у нас был замечательный, так он категорически настаивал навсегда исключить из употребления слова «ропот» и «осуждение» и никогда не пускать их в свое сердце. Пойди поисповедайся, помолись, и Бог тебя услышит. Ведь не зря говорят: Господь, Он всегда в курсе.

– **Удается подавлять в себе страсти?**

– Даже не знаю... Боюсь сказать, но как-то спокойнее стало на душе, слава Богу. Такого навязчивого, досадного чувства нет, стараешься спокойно ко всему относиться. Наверно, уже в силу возраста...

– **Да ладно вам, какой возраст!**

– В тридцать лет, когда все внутри бурно кипит, – совсем другое. А сейчас... сейчас уже многое по-иному.

– **А как вы считаете: вы – строгая игуменья?**

– Вопросик, скажу я вам... Когда как.

– **Сестры вас побаиваются?**

– Думаю, что... Если не будут побаиваться, будет совсем плохо. Внутри, я знаю, я очень добрая, но внешне нельзя расслабляться.

– **Враг не дремлет, так?**

– Еще как не дремлет! Но дело не только в этом. Просто я люблю дисциплину и ответственность. Для меня это главные качества, и я очень ценю их в людях.

– **Это у вас из семьи еще пошло, от родителей?**

– Нет, из Пюхтиц. Я же там родилась как личность. Пюхтицы, можно сказать, открыли мне глаза не себя. Именно там я поняла, что я очень ответственна, что люблю дисциплину... Стали проявляться черты, о которых я и не подозревала. Это я поняла по

тому, как естественно влилась в жизнь этого монастыря. Мне не пришлось себя ломать, что довольно часто бывает с новичками. Там действительно демократично было, никто ни на кого не кричал, не принуждал, не гнул, как говорится, через колено. Но сама атмосфера этой обители исключала даже мысль о самовольстве. Попробуй опоздать на послушание или на службу! К сожалению, я сейчас уже не могу всегда быть примером пюхтицкой школы, но стараюсь не поддаваться слабости. Как только игуменья начинает расслабляться, расплзается вся дисциплина. Мы стояли, как солдаты, в храме, все кланялись как одна, все это было так здорово, так правильно, красиво... Но все это делалось с любовью, с искренним старанием, а не из страха. А как все были идеально одеты, как все выглажено, какая идеальная чистота в кельях! Я стараюсь все это прививать и нашим сестрам.

– **А в чем тогда проявлялась индивидуальность монахинь? Или это не принималось в расчет?**

– Что вы! Я бы сказала, что единый строй жизни монастыря позволял лучше проявляться индивидуальным чертам характера насельниц, их натуре, интересам. Кто-то тяготел к молитве, кто-то к вышиванию, рисованию, кто-то углубленно изучал духовную литературу. Но, знаете, я смотрю сейчас на молодых сестер – как они трудно входят в монастырскую жизнь, и стоять им тяжело, и трудиться... Им бы ту школу! Стараюсь внушить своим: вы сначала хоть постоите немного, потрудитесь. Подвизайтесь немножко, это нужно для вашей дальнейшей жизни, согреет вас. Потом будет что вспомнить. А расслабитесь сразу – потом превратитесь в квашни. А квашней быть нельзя даже в инвалидной коляске. Я-то сама теперь стоять не могу, но стараюсь. До последнего не сяду, хотя сейчас, правда, уже приходится и сидеться.

– **Я даже по своему маленькому опыту знаю. Вернешься с Афона, и какое-то время еще – стойкий оловянный солдатик, потом проходит время, и постепенно сдуваешься, как шарик, и так до следующей поездки.**

– Вот мы и опять вышли на главную тему. Пока живешь, нужно до последнего делать то, к чему приставил тебя Господь. Я всегда считала, что именно тяжелые послушания помогают человеку сформировать свою душу, а иначе как предстать перед Ним? Да и человек проверяется. Если кто не выдерживает, уходит, значит, это не его путь. И хорошо, что ушел. Вы спрашивали об индивидуальности. У нас восемьдесят человек, с приютскими девочками под сотню, наверное. Так вот, присутствие или отсутствие каждого мгновенно чувствуется. Как в оркестре, где вдруг недостает какого-то одного инструмента.

– **И это при том, что монастырь – огромный организм?**

– Огромный!

– **Страшновато не бывает?**

– Если честно – страшно. Столько человек, столько судеб, а еще большое хозяйство. Забот – целый огород, от чисто житейских – вот картошку украли прямо с поля, а столько трудов наши сестры положили, чтобы вырастить. И такой хороший урожай был... – до тончайших духовных. Если бы не помощь Божия...

– **Вы много говорили о расслаблении, и я вспомнил нашу прежнюю с вами беседу. Она так и называлась: не расслабляться! Видимо, это ваш принцип?**

– Так велит Господь. А мы в меру своих слабых сил стараемся не подводить Его.

СКРЕПЫ

Омрачение души происходит от беспорядочности в жизни.

*Преподобный
Исаак Сирий*

Тем, кому после этой беседы судьба монастыря стала ближе:
Православная религиозная организация
Свято-Троицкий Стефано-Махрицкий ставропигиальный женский монастырь Русской Православной Церкви
р/с 407038101002000011, ИНН 3311001958, КПП 331101001
ОАО комбанк «Окский», г. Александров,
БИК 041718737, к/с 30101810000000000737

Привыкнуть к смерти невозможно, но помнить, что она есть, – необходимо

Единственное, что невозможно отнять у человека, – это смерть. Влияет ли сознание собственной смертности на устройство земной жизни человека? Согласны ли вы с тем, что именно мысли о смерти как о начале жизни за гробом могут радикально определить земной путь человека?

– Я думаю, все это вещи глубоко индивидуальные, личностные. Человек не обязательно думает о смерти даже изредка, я уж не говорю все время. Кто-то думает, кто-то нет. «Я смертным дал забвенье смерти» – слова эсхилловского Прометея психологически неотменимы. Ведь действительно это забвение нам дано, так что никакое *memento mori* тут не поможет. А иначе свихнуться можно, даже если ты очень верующий, потому что есть вещи, к которым человек привыкнуть не способен в силу своей природы. И радикально определяют земной путь человека, на мой взгляд, все же

вещи жизненные, тоже земные – семья, дети, работа, исторические обстоятельства, страсти, привычки, физическое сложение, здоровье, деньги. У кого что. Конечно, по большому счету, цель жизни состоит в том, чтобы приготовить себя к смерти как пакибытию, но эта «пора о душе подумать» наступает у каждого в свой черед, а у кого-то не наступает вообще. И больше того, можно о душе думать и ничего для нее не делать, а можно не думать и делать.

В мыслях человека о смерти (равно как и о прочих бытийных сущностях) должна, на мой взгляд, присутствовать мера. Слишком пристальное внимание к смерти так же нехорошо, как пренебрежение к ней или фанатичный страх. В первом случае мы рискуем свалиться в декадентство, в мистику, в психоз или же в ту мучительную тягу к смерти, присущую героям Андрея Платонова – вспомним рыбака из «Чевенгура», который бросился с лодки в озеро, связав себе ноги, потому что «хотел посмотреть – что там есть: может быть, гораздо интересней, чем жить в селе или на берегу». Во втором... Писатель Алексей

Постоянный автор «Лампады» писатель Алексей Варламов размышляет вместе с нами о главной теме номера

Николаевич Толстой был замечательно жизнелюбивым и очень удачливым человеком, умевшим выпутаться из самых невероятных ситуаций и договориться с любым человеком или инстанцией. За исключением смерти. Ее он боялся, старался о ней не думать, роман о Петре Первом оборвал на относительно молодых годах своего героя, потому что не захотел писать про его смерть. Толстой не ходил на похороны даже самых близких своих друзей, но во время войны Сталин включил его в комиссию по расследованию фашистских злодеяний на оккупированных советских территориях, и Толстому пришлось присутствовать в Харькове при казни двух эсесовцев. Зрелище это настолько его потрясло и поразило, что вскоре он тяжело заболел и умер. Умер от смерти в буквальном смысле слова.

– Когда вы впервые подумали, что смертны? Что испытали при этом? Как это на вас повлияло?

– У меня очень сложные отношения с этой темой. Свое первое ощущение смерти помню необыкновенно остро. Это было в детском саду. Умер папа одного из мальчиков. Все взрос-

лые – воспитательницы, нянечки, родители – очень его жалели, хотя и шептались, что папа был пьяницей, отчего и помер. А потом его хоронили. Или хоронили какого-то другого человека, но в моем сознании две картины совпали. В советские годы, если помните, похороны всегда сопровождалась траурным маршем, начинали играть прямо у дома покойного и дальше шли по улице, наяривая Шопена. И вот мы, пятилетние дети, прильнули к окнам детского садика, потому что там, под нашими окнами, двигалась погребальная процессия, несли открытый гроб и играли этот ужасный, завывающий траурный марш, прорывающийся сквозь стекла и разрушающий привычное, обыденное течение жизни. Это было так жутко, что я вдруг понял, почувствовал, догадался, что и сам умру. Причем скоро умру. Следующим. И страх смерти, животный, дикий, в меня проник и сопровождал почти все детские годы.

Страх за себя, за своих родителей. Меня никто не понимал, водили к психологу, но все это было без толку. Потом одним летом этот страх чудесным образом прошел, но память о нем осталась. Позднее я написал об этом рассказ, который назвал «Печаль», и вообще думаю, что именно по причине этого страха стал писать. Смерть что-то во мне очень глубоко пробудила, так что в этом смысле я ей благодарен.

– Изменилось ли у вас отношение к смерти, после того как вы пришли к вере? В чем это выразилось?

– Пришел к вере – это ведь тоже не одномоментно: взял и пришел. Процесс долгий, и когда он в моей юности начался – с Достоевского, с университета, с поездок по Русскому Северу и хождение по старой Москве, – то в ту пору, в свои 18-20 лет, какое уж там отношение к смерти? Детские страхи ушли, вокруг и впереди была жизнь, любовь, страсть, борения плоти и мятеж духа, то есть вещи, по своей природе смерть отрицающие. И хотя именно в молодости я потерял бабушку, к которой был очень привязан, двух дедушек, потом отца, скорбь об ушедших не пробуждала мыслей о

собственной смерти. Вера, конечно, изменила мою жизнь, но на отношении к смерти эти изменения не сказались поначалу. Они начались позже.

– Были ли в вашей жизни случаи (ситуации), которые грозили вам смертью? Что вы испытывали или чувствовали, или думали тогда?

– Были. Хотя это все-таки момент довольно интимный и обо всем рассказывать не хочется. Один раз я чудом избежал столкновения лоб в лоб со встречной машиной, другой раз чуть не потонули в байдарочном походе посреди огромного озера, когда налетела волна. Угорал в своем вологодском деревенском доме, сидел двое суток в межсезонье на снежном перевале на Западном Кавказе, где сходили лавины и нас в любой момент могло унести вниз, в глубокое ущелье. Однако в этих ситуациях меньше всего думаешь о смерти, потому что думать некогда – надо что-то делать. Хотя как раз, когда сидели на перевале, самый опытный из нас сказал:

– Надо черные ленточки к одежде привязать.

– Зачем?

– Чтобы тело потом было легче найти.

Но и тогда смерть казалась чем-то абстрактным, и даже когда, избегнув опасности, мы спустились в цветущую, полную жизни и весны долину, задним числом понимая, что только что были близки к самому краю, все-таки мысли были больше о жизни – слава Богу, что уцелели, видим это небо, дышим, ходим, любим... А смерть, что смерть? – она осталась там, в горах, высоко...

– В чем, на ваш взгляд, причины всплеска детского суицида?

– Легче всего было бы свалить на моду, на информационный террор и некое стадное чувство, присущее подросткам. Можно говорить о неблагополучии духовном, материальном, о диких противоречиях нашей разорванной, страшно несправедливой жизни. Но, по большому счету, причины все равно лежат в области иррационального, необъяснимого. Что-то носится в воздухе, как у Пастернака – «А в наши дни и воздух пахнет смертью, открыть окно – что жилы отворить». Ведь в Серебряном веке тоже была эпидемия самоубийств. Иногда кончают собой, подражая кому-то, – вспомним смерть Есенина или волну самоубийств, какую породили гетевские «Страдания

молодого Вертера». Но если говорить про день сегодняшний, я думаю, взрослые не до конца отдадут себе отчет в том, какой мир устроили они для нынешних детей и насколько сегодня благодаря социальным сетям и злобным сайтам эти вирусы быстрее распространяются и большее число людей захватывают. Есть группа риска – люди с ослабленным чувством жизни, и задача в том, чтобы не дать запуститься заложенному в них механизму самоубийства. Сегодня он – тронь, и понеслось.

– Сегодняшнее легкое отношение к дарованной человеку жизни, бездумные риски, увлечение экстремальными видами развлечений не есть ли прямое следствие забвения людьми веры? Или так полагать наивно?

– Можно взглянуть на эту ситуацию совсем под другим углом. Как раз по той причине, что в обыденной жизни люди не могут веру обрести, а обретают ее на самом краю, они и тянутся к экстриму. Потому что там, в этих пограничных ситуациях, бытие воспринимается более остро, пронзительно, резко, а такое ощущение неизбежно убивает атеизм и грубый материализм. На передовой ведь не бывает атеистов. Другое дело, что путь к Богу через искусственные пограничные ситуации представляется мне слишком далеким от пути церковного, естественного, но нельзя исключить того, что и по этой дороге кто-то дойдет до храма. Знаменитый путешественник Федор Конюхов – неслучайно верующий человек. Духовный голод, смятение, привкус опасности на губах, адреналин в крови все равно предпочтительнее сытости, тупому, бездумному покою и нежеланию что-либо в своей жизни менять, куда-то двигаться. И уж тем более все это лучше компьютерного плена, телевизионной зависимости, пьянства или наркомании. А что касается бездумных рисков, то опять-таки у каждого свой порог. То, что кажется обычному человеку опасным, на деле есть вопрос профессионализма и опыта.

– Часто ли вы думаете о смерти?

– Последнее время – чаще, чем раньше.

– Если бы вы знали, что эти сутки – последние в вашей жизни, как бы вы их провели?

– У меня при этом вопросе сразу включается писательское воображение,

и я начинаю выдумывать сюжет, в котором мое «я» становится довольно условным, абстрактным. Но вообще, если верно, что каждый свой день надо жить, как последний, то и последний, наверное, надо прожить, как самый обыкновенный день. Я читал когда-то предание из соловецкой жизни лагерных времен, описанное то ли Ширяевым в «Неугасимой лампаде», то ли Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ». Это история о том, как к одному из заключенных, бывшему офицеру, которому только что был вынесен смертный приговор, приехала на свидание жена. И вот он упросил лагерное начальство, чтобы расстрел был отложен на сутки и ему было разрешено провести их с женой. Он вел себя с ней так, что жена ни о чем не догадалась, а когда она уехала, его тотчас же расстреляли. Для меня это идеальная модель поведения перед смертью. (Нечто похожее будет потом использовано в фильме Никиты Михалкова «Утомленные солнцем», но с излишней бравадой). Надо уметь не потерять самообладания даже в последний момент.

– Как вы хотели бы умереть?

– Безболезненной, непостыдной, мирной кончины живота нашего и доброго ответа на страшном Судилище Христовом просим – что к этому добавить? Есть такая поговорка ли, притча: «Счастье – это когда ты лежишь в гробу, а вокруг стоят семь твоих сыновей». Семи сыновей у меня нет, и вряд ли будет. Но хотелось бы, чтобы вокруг стояли взрослые дети. Внуки. (О правнуках мечтать не смею). Вот как бы я хотел умереть. А на все остальное – Божья воля.

СКРЕПЫ

*Ни бедность, ни болезнь,
ни обида, ни злословие, и
даже ни смерть, а только
грех из всех зол человеческих
есть действительное зло.*

*Святой
Иоанн Златоуст*

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Ирина Ивановна Нецветаева, 76 лет, пенсионерка</i></p>	<p><i>Валерий Никифорович, 59 лет, странник</i></p>	<p><i>Кирилл Вязьмин, 20 лет, студент</i></p>
<p>Что невозможно отнять у человека?</p>	 <p>Совесь, душу.</p>	 <p>Свободу, которую дал Бог.</p>	 <p>Невозможно отнять сознание у человека, потому что он тогда перестанет быть человеком.</p>
<p>Часто ли вы думаете о смерти? Или стараетесь отгонять эти мысли?</p>	<p>Стараюсь о ней не думать, живу настоящим и радуюсь жизни.</p>	<p>Стараюсь думать часто. Тот, кто думает о смерти, меньше грешит.</p>	<p>Да, я иногда думаю о смерти, не отгоняю этих мыслей. Это естественно.</p>
<p>Влияет ли на вашу жизнь знание того, что человек смертен? Если да, то каким образом?</p>	<p>Да, влияет. Стараюсь не тратить время зря. Спешу. Хочется много сделать в этой жизни, но не успеваешь.</p>	<p>Готовиться к вечной жизни нужно ежедневно, потому что не знаешь, в какой час Господь тебя призовет. Упустишь время – все упустишь: за гробом покаяния нет.</p>	<p>Я сознаю, что жизненный путь краток, что я смертен, и не знаю, что меня ждет в Царствии Небесном и вообще попаду ли я туда. Это меня заботит.</p>
<p>Что такое, по-вашему, непостыдная смерть, о которой мы просим в молитвах?</p>	<p>Эта та смерть, когда человек не боится умереть, потому что он что-то сделал в своей жизни хорошее, кому-то помог словом, делом, улыбкой, поддержал...</p>	<p>Это та смерть, которая нас соединяет со Христом, а не разъединяет. А что нас может разъединить? Неисполнение заповедей Господних. Так что непостыдная смерть полностью в наших руках.</p>	<p>Непостыдная смерть? Я не могу ничего ответить на этот вопрос.</p>
<p>Изменилось ли у вас отношение к смерти, после того как вы пришли к вере? Если да, то в чем это выразилось?</p>	<p>Я поняла, что не счастливая случайность, а мудрая и любящая высшая сила спасала меня в экстремальных ситуациях, когда я была близка к смерти.</p>	<p>Если раньше для меня смерть была чем-то ужасным, теперь я воспринимаю ее как мост к нашему Господу. Мы должны бояться смерти не в том смысле, что она наступит, а что надо быть готовым ко встрече со Христом.</p>	<p>Да, отношение к смерти у меня изменилось, но не когда я пришел к вере, а когда пережил потерю близких людей. Тогда у меня изменилось отношение и к вере тоже.</p>
<p>Если бы вы знали, что вам осталось жить одни сутки, как бы вы их провели?</p>	<p>Я бы встретила в душевной беседе с человеком, которого люблю. Так я продлила бы свое счастье.</p>	<p>В слезах и покаянии, чтобы Господь принял меня, убогого и грешного. И если есть возможность, непременно нужно причаститься и пособороваться.</p>	<p>Наверное, как обычно. Я попытался бы понять, что в моей обычной жизни было ценным, запоминающимся и самым главным.</p>

ЧЕЛОВЕК СМЕРТЕН, И ЧТО ИЗ ЭТОГО СЛЕДУЕТ?

Анкета «Лампады»

<p><i>Надежда Филиппова, 48 лет, специалист по связям с общественностью</i></p>	<p><i>Елена, 57 лет, врач восстановительной медицины</i></p>	<p><i>Татьяна Петрова, народная артистка России, певица</i></p>	<p><i>Виктор Николаев, 53 года, писатель</i></p>
	<p>(фотографироваться отказалась)</p>		
<p>Свободу выбора.</p>	<p>Веру в Господа.</p>	<p>Душу его бессмертную, Родину нельзя отнять, невозможно отнять детей у матери, невозможно отнять любовь. А сами не отдадим!</p>	<p>У человека невозможно отнять Бога, даже если человек не верит в Него. Вера или неверие в Бога – это ничего не меняет. Он есть, Он всюду, Он всегда.</p>
<p>Да нет, я о ней вообще-то не думаю. Чего думать – будет и будет. Любопытно, что будет там, потом.</p>	<p>Стараюсь чаще, но не всегда получается. Чтобы жить по совести, стараюсь чаще думать о смерти.</p>	<p>Не думаю. Просто думаю, что надо все успеть, пока срок дан нам на земле.</p>	<p>Чем становишься старше, тем чаще об этом думаешь. О смерти часто думаешь там и как думаешь здесь, – это разное. Чем ближе вероятность смерти, тем спокойнее к этому относишься.</p>
<p>Влияет на понимание того, что за все поступки в этой жизни придется когда-то отвечать. Смерть – это тот рубеж, за которым будет предъявлен счет душе, все ли ты сделал, что от тебя требовалось в этой земной жизни.</p>	<p>Человек смертен, но каждый из нас надеется на жизнь вечную. И стараюсь жить так, чтобы обрести ее, эту вечную жизнь.</p>	<p>Это очень скучно, когда люди думают, что они смертны и никогда не будут жить после. Мне кажется, жизнь от этого становится какой-то пустой и никому не нужной.</p>	<p>Третий из второго вопроса вытекает, и это можно объединить.</p>
<p>Наверное, это смерть в бою или когда ты отдаешь жизнь во имя чего-то нужного, высокого, когда понимаешь духом, что в этой жизни есть вещи более важные, чем твоя плоть.</p>	<p>Один Господь знает, каков наш последний час на земле, но хочется с покаянием и принятием Святых Христовых Таин. Это, я думаю, и есть непостыдная смерть.</p>	<p>Непостыдная смерть? Я так думаю, когда тебя провожает в вечность твоя семья. Собороваться, исповедаться, причаститься... Это мечта каждого православного.</p>	<p>Непостыдная смерть – это когда после твоей смерти тебя очень долго вспоминают хорошо. Заслужить смерть достойную – это тоже подвиг. Вспомним Николая Майданова, Евгения Родионова, Александра Матросова...</p>
<p>Вера дала понимание, что будет происходить с твоей душой там. И, безусловно, укрепила дух. Все сложилось в стройную систему, которая придала крепость и ощущение спокойной неизбежности.</p>	<p>Поздно пришла к вере. Конечно, изменилось отношение к смерти – отношусь к этому очень серьезно, но стараюсь смиренно. Я в медицине работаю, смерть вижу очень часто.</p>	<p>Отношение к смерти? Поскольку Господь даровал нам жизнь вечную, можно говорить только о смерти бренного тела. Но что такое его потеря перед радостью встречи со Христом!</p>	<p>Стал появляться страх за детей и внуку, что если, не дай Бог, со мной что-то случится, как они будут без меня? При нашей сегодняшней морали и политике государства по отношению к детям.</p>
<p>Я бы сказала всем людям, которых я люблю, что я их люблю. Мне кажется, это самое глубокое чувство.</p>	<p>Конечно, провела бы в храме, отложив все остальные дела, исповедовалась бы, причастилась и стояла бы в молитве.</p>	<p>Я бы пела и читала.</p>	<p>Не знаю. Мне говорили, что человек всегда чувствует смерть. На войне он становится добрее. А среди заключенных многие сходят с ума, другие замыкаются или становятся безучастными.</p>

Иван Александрович Ильин

О смерти (письмо первое)

Дорогой мой. Ты хотел знать, что я думаю о смерти и о бессмертии, и я готов изложить тебе мое понимание. Я не выдумал его, а выстрадал и выносил его в течение долгого ряда лет. И теперь, когда опять пришло такое время, что смерть парит надо всеми нами и каждый из нас должен готовиться к уходу из земной жизни, я вновь пересмотрел мой опыт и мое видение и расскажу тебе, к чему я пришел. В такие времена все чувствуют и предчувствуют наступление своего конца и потому невольно возвращаются воображением и мыслью к проблеме смерти. При этом человек чувствует себя смущенным и подавленным, потому что он не знает, что же такое смерть на самом деле, и еще потому, что никто из нас не может примириться со своею смертью и *включить ее в свою жизнь*. Такие времена обычно называются «тяжкими» и «страшными», а в действительности это времена духовного испытания и обновления – суровые, но благотворные времена Божьего посещения.

Видишь ли, у меня всегда было такое ощущение, что в смерти есть нечто благостное, прощающее и исцеляющее. И вот почему.

Стоит мне только подумать о том, что вот эта моя земная особа, во всех отношениях несовершенная, наследственно обремененная, вечно болезненная, в сущности не удавшаяся ни природе, ни родителям, – сделалась бы бессмертной, и меня охватывает подлинный ужас... Какая жалкая картина: самодовольная ограниченность, которая собирается не умирать, а *заполнить собою все времена*. Несовершенство, которое не подлежит ни исправлению, ни угашению... Бесконечный «огрех», вечный недотеп... Что-то вроде фальшивого аккорда, который будет звучать *всегда*... Или – несмыслимое пятно земли и неба... Вижу эту приговоренную к неумиранию телесную и душевную ошибку природы – в виде моей особы – и думаю: а ведь законы природы будут действовать с прежней неумолимостью, и я буду становиться все старше и, наоборот, все немощнее, все беспомощнее, страшнее и тупее – и так без конца. Какая претензия и какое несчастье! После этих видений я просыпаюсь, как от тяжелого

Мыслитель. Таким увидел И.А. Ильина художник Михаил Нестеров. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

сна – к благословенной действительности, к реально ожидающей меня смерти... Как хорошо, что она придет и поставит свою грань. Как это прекрасно, что она прекратит мою земную дисгармонию. Значит, эта мировая ошибка, носящая мое земное имя, может быть погашена или исправлена... А смерть придет, как избавительница и целительница. Милостливо укроет меня своим покровом. Даст мне прощение и отпущение. Откроет мне новые, лучшие возможности. А я приму от нее свободу и, ободренный ею, начну восхождение к высшей гармонии.

И вот это ожидание и эта уверенность даруют всей моей жизни – *меру и форму*. Слава Богу, все мое земное страстное кипение, эта бесконечная борьба с самим собою, с моими противниками и со слепым безразличием человеческой толпы, эта борьба, в которой я от времени до времени изнемогаю, доходя до муки и отчаяния, – все это не будет длиться вечно, не заполнит все Божии времена... Не вечно придется мне заживлять те раны, которые про-

исходят от встречи моей немощи с непомерными заданиями жизни и мира. Придет час, и «отрешит вола от плуга на последней борозде»... (Пушкин). Безмерная длительность отпадает, и моя жизнь получает *меру срока*, меру долга, меру в напряжении, меру плена и меру томления. Как это благостно... Моя жизнь приобретает *форму* – форму свершающегося конца. Я знаю, я твердо знаю, что придет избавление, что откроется освобождающий исход и что мне надо к нему готовиться. И вот главное: мне надо постараться, чтобы мой земной конец стал не обрывом, а *завершением* всей моей жизни; все цели мои, все мои труды и творческие напряжения должны вести к этому завершению. Правда, я не знаю, когда и как наступит этот конец. Но и это – благо, ибо это понуждает меня быть всегда готовым ко всему, к отозванию и уходу. Одно ясно: меряя человеческой мерой, надо признать, что срок не слишком далек и что мне нельзя терять времени. Нельзя откладывать того, что должно быть сделано. Но зато есть много такого, что надо совсем отменить, устранить с дороги. Время мое ограничено, и никто не знает, каким сроком. А когда осмотришься, то видишь, что неизмеримое, чудесное богатство мира – природы, человеческого общения и культуры – все эти возможности созерцания и радости, все эти поводы духовного восприятия и духовной отдачи, все эти творческие зовы и задания – все это неисчерпаемо, ответственно, претрудно и обязывающе...

Таким образом, смерть становится для меня оформляющим и осмысливающим *началом жизни*, не то призывом, не то советом. Как если бы старший друг, любящий и *заботливый*, сказал мне: «Знаешь что, жизнь-то ведь коротка, а прекрасным возможностям – в любви, в служении, в созерцании, в созидании – нет числа; не лучше ли оставить без внимания все пошлое, жалкое и ничтожное и выбрать себе лучшее, подлинно лучшее, на самом деле прекрасное, чтобы не утратить божественных красот мира и жизни?...»

Идея смерти как бы открывает мне глаза и вызывает во мне какой-то неутолимый голод, *жажду истинного качества, волю*

к Божественным содержаниям, решение выбирать и отбирать верно, не ошибаясь и не обманываясь. Я постепенно учусь различать – что действительно хорошо и прекрасно перед лицом Божиим и что мне только кажется хорошим, а на самом деле лишь соблазняет, прельщает и разочаровывает. И проходя этот жизненный иску́с, я все более и более убеждаюсь, что в жизни есть многое множество содержаний, занятий и интересов, которыми не стоит жить или которые не стоят жизни; и, напротив, есть такие, которые раскрывают и осуществляют истинный смысл жизни. А смерть дает мне для всех этих различий и познаний – верный масштаб, истинный критерий...

Мне думается, что все мы уже переживали и еще переживем не раз нечто подобное: когда близится смерть или когда, по крайней мере, тень смерти осеняет нас, то все содержания и ценности жизни как-то вдруг, словно сами по себе, переоцениваются. Все то, что в тусклой повседневности, во время безопасного прозябания казалось нам стершимся, безразличным, почти обесценившимся, – вдруг раскрывает свои различия, показывает свое настоящее качество и находит себе верное место и истинный ранг. Око смерти глядит просто и строго; и не все в жизни выдерживает ее пристального взгляда. Все, что пошло, тотчас же обнаруживает свое ничтожество, наподобие того как листы бумаги, охваченные огнем, вдруг вспыхивают ярким пламенем и сейчас же чернеют, распадаются и истлевают в пепел. Так что впоследствии даже не верится, что этот прах и тлен мог представляться важным и ценным. Но зато все истинно ценное, значительное и священное утверждается перед лицом смерти, победоносно выходит из огненного испытания и является в своем истинном сиянии и величии. Первое изблещается и разоблачается; второе оправдывается и подлинно освящается. И не то чтобы мы само это производили; нет, это огненное испытание идет от смерти и осуществляется ее близким дыханием.

Бывают в человеческой жизни такие дни и минуты, когда человек внезапно видит смерть перед собой. Ужасные минуты. Благословенные дни. Тогда смерть, как некий Божий посол, судит нашу жизнь. И

вся наша жизнь проносится перед нашим духовным взором, как на молниеносном параде. И все, что в ней было верного и благого, все, чем на самом деле стоит жить, – все утверждается как подлинная реальность, все возносится в сиянии; а все, что было мелко, ложно и пошло, – все сокрушается и посрамляется. И тогда человек проклиная всю эту ложь и пошлость и судит себя как растратчика сил и глупого мота. Зато – как он радуется всему верному и подлинному и сам не понимает, как это он мог жить доселе чем-нибудь иным. Он слышит, как в глубине его души все упущенное стонет и молит о восстановлении; и сам начинает мечтать о том, чтобы прошлая жизнь считалась прожитой «начерно» и чтобы была дана ему возможность прожить новую жизнь уже «набело». Мгновенно рождаются планы новой, чудной жизни, и тут же беззвучно произносятся клятвы верности ей, а к Богу восходят молитвы о даровании новых сроков и новых возможностей...

А когда опасность смерти проносится и вновь наступает тишина и спокойствие, тогда человек видит, что вся его жизнь была как бы разобрана и провеяна, и делает один из значительнейших выводов в своей жизни: *не все, чем мы живем, стоит того, чтобы мы отдавали ему свою жизнь*. Только те жизненные содержания и акты полноценны, которые не боятся смерти и ее приближения, которые могут оправдаться и утвердиться перед ее лицом. Все, что стоит нашего выбора и предпочтения, нашей любви и служения даже и в предсмертный час, – все прекрасно и достойно. За что можно и должно отдать жизнь, то и надо любить, тому и надо служить. Жизнь стоит только тем, за что стоит бороться на смерть и умереть; все остальное малоценно или ничтожно. Все, что не стоит смерти, не стоит и жизни. Ибо смерть есть пробный камень, великое мерило и страшный судия.

Вот как я созерцаю смерть, мой дорогой друг. Смерть не только благодатна, она не только выручает нас из земной юдоли и снимает с нас непомерность мирового бремени. Она не только дарует нам жизненную форму и требует от нас художественного завершения. Она есть еще некая таинствен-

ная, от Бога нам данная «мера всех вещей», или всех человеческих дел. Она нужна нам не только как узорешительница или как великая дверь для последнего ухода; она нужна нам, прежде всего, *в самой жизни и для самой жизни*. Ее облачная тень дается нам не для того, чтобы лишить нас света и радости или чтобы погасить в нашей душе охоту жить и вкус к жизни. Напротив, смерть *воспитывает* в нас этот *вкус к жизни*, сосредоточивая и облагораживая его; она учит нас не терять времени, хотеть лучшего, выбирать изо всего одно прекрасное, жить Божественным на земле, пока еще длится наша недолгая жизнь. Тень смерти учит нас жить светом. Дыхание смерти как бы шепчет нам: «Опомнитесь, одумайтесь и живите в смертности бессмертным». Ее приближение делает наши слабые близорукие глаза – зрячими и дальнозоркими. А ее окончательный приход освобождает нас от бремени естества и от телесной индивидуации. Позволительно ли нам проклинать ее за все это и считать ее началом зла и мрака?

Я понимаю, что ее окончательность и непоправимость, ее таинственность и загадочность – могут внушать людям трепет. Но ведь поток жизни, в котором мы все время пребываем, несет нам ежеминутно ту же непоправимость, ту же таинственность и непостижимую сложность. Ведь каждый миг нашего земного пути невозвратим и, отгорая, уносится в какую-то пропасть; и эта бездна прошлого и надвигающаяся на нас бездна будущего не менее страшны, чем миг предстоящей нам смерти. *Жизнь не менее таинственна, чем смерть*; только мы закрываем себе глаза на это и привыкаем не видеть. А смерть, если ее верно увидеть и понять, есть не что иное, как особый и *величественный акт личной жизни*. И тому, кто ее верно увидит и постигнет, она откроется, как новый друг, бережный, верный и мудрый.

Из «Книги раздумий и тихих созерцаний»

СКРЕПЫ

Думай, что умрешь сегодня или завтра: тогда вся суэта исчезнет из сердца твоего.

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

90 лет назад молодая советская республика вышвырнула за пределы родины несколько сот человек – цвет российского народа – философов, историков, инженеров – людей, чьи мысли, труды, открытия внесли бесценный вклад в сокровищницу человеческого знания. Большевикам они были не нужны. Эта беспрецедентная операция сохранилась в истории под названием *Философский пароход*: изгнанников отправили на чужбину морем. Среди них был и великий русский писатель и мыслитель И.А. Ильин (1883 – 1954), чьи останки вернулись на Родину в 2005 году.

Свет и крест Соловков

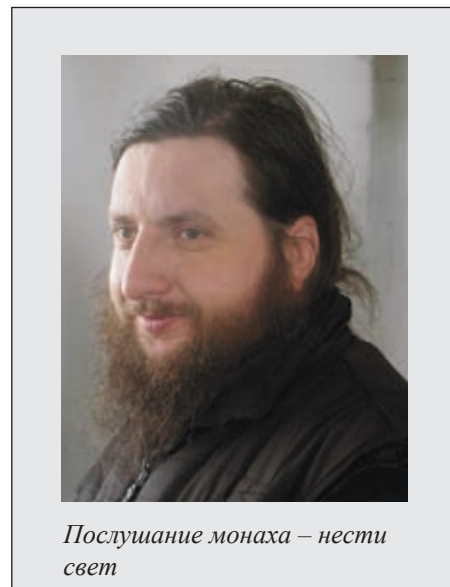
...И тьма не объяла его

Соловецкий архипелаг находится в одном из внутренних морей Северного Ледовитого океана. Монастырь, построенный здесь более пяти веков назад, эта окраинная обитель, стал перекрестком судеб многих наших известных в прошлом веке соотечественников. В нашей памяти возникают имена Павла Флоренского, Дмитрия Лихачева, Олега Волкова. Эти узники совести жили в островных бараках Соловков во времена недавнего советского прошлого. Кроме этого короткого трагического периода у Соловков есть славная многовековая история монастырской жизни со своими чудесами и особенностями.

Туристы, посещающие архипелаг, ахают от восторга, фотографируя стены и исполинские башни монастыря. Им рассказывают об искусственных дамбах и каналах, вырытых трудолюбивыми насельниками. Показывают ботанический сад, где раньше в оранжереях выращивали виноград и цитрусовые. До островов архипелага доходят теплые воды Гольфстрима. А искусные монахи обогревали оранжереи еще и горячей водой местного свечного заводика.

После возвращения монастыря к своей духовной миссии на острова потянулись писатели, художники, кинематографисты со всего света. За вдохновением и простой человеческой радостью. Польский историк и писатель Мариуш Вильк, приехав на Соловки на экскурсию, осел здесь на двенадцать лет. Результат – несколько книг и брошюр по истории и жизни острова. Их переводы можно найти в любой библиотеке. Французский оператор и режиссер

У же на что богат русский язык, однако и в нем найдется не так уж много слов, которые можно было бы назвать словами-символами, словами-понятиями, словами, которые одни, сами по себе, обозначают гигантские по своим масштабам, а порой и трагизму события, слова-эпохи. Одно из таких слов – Соловки.

Послушание монаха – нести свет

Жиль Бастианелли снял красивый фильм на цикл стихов Юрия Кублановского. Два друга из Москвы – преподаватель истории МГУ Алексей Лаушкин и выпускник МГИМО Дмитрий Лебедев – в старом ангаре для гребных судов уже несколько лет воссоздают на своей верфи государственную яхту «Петр I». В их частном морском музее я расстался с одним из своих школьных заблуждений. Если помните, нас учили, что Петр I был отцом русского флота. Военного – может быть. Но флот в России был еще задолго до рождения императора-реформатора. Наши корабли успешно ходили на Восток вдоль морей Ледовитого океана. Взгляните на карту, и вы увидите там бухты, заливы и острова, открытые и названные именами наших знаменитых мореходов. От Белого моря до Камчатки и Чукотки. Подтверждение о наших отечественных Колумбах и Магелланах я нашел в цитате английского историка прошлого Фредерика Джейна. «Существует распространенное мнение, что русский флот создан сравнительно недавно Петром I. Однако в действительности он по праву может считаться более древним, чем британский флот».

Еще одно подтверждение древности нашего северного мореходства можно увидеть на Секирной горе – самой высокой точке архипелага. Здесь сто пятьдесят лет назад под крестом на куполе Вознесенского храма впервые зажгли спасительные огни маяка. История его возникновения и строительства на куполе почти готового храма подробно изложена на выставке молодого Соловецкого морского музея. На стендах я прочитал пре-

любопытнейшую переписку настоятеля монастыря архимандрита Порфирия с начальством гидрографического штаба в Архангельске. Дело в том, что единственным подходящим местом для сооружения соловецкого маяка оказалась...церковь на Секирной горе. Но для этого требовалась некоторая переделка купола. Да и вообще это сочетание – церковь и маяк – с трудом укладывалось в сознание. Но только не у архимандрита Порфирия. И хотя к 1861 году строительство церкви по проекту архитектора Шахларева почти завершилось, настоятель дал добро на устройство маяка: «Монастырь готов приделать фонарь и прочее, что следует для освещения, к куполу колокольни, и таким образом казна будет иметь весьма полезный мореплаванью маяк без расходов постройки кроме одного фонаря; затем монастырь может принимать на себя самое освещение при-сылаемыми от казны материалами, но чтоб один знающий для освещения маячный служитель был прислан от казны».

Сегодня послушание главного маячного смотрителя несет иеромонах Матфей (Романчук), из Свято-Вознесенского скита. Он и проводил меня наверх по крутой лестнице и рассказал историю этого единственного в России, а может быть, и в мире храма-маяка.

Маяк и Храм. На первый взгляд, необычное соседство этих слов сегодня обретает более широкий смысл. В эпоху глобальной монетизации, потери духовных и гуманитарных ориентиров в нашем бушующем житейском море необходим Маяк на Храме. Он поможет многим из нас найти правильный путь в жизни.

Соловки – это навеки

Письма к Богу

Низкий им поклон и благодарная память

Реставрация, которая у нас близится к концу, это, по сути, продолжение восстановления храма.

А у такого сложного процесса, как известно, несколько этапов. Первый – это была просто передача здания. Знаменательный акт состоялся в 1991 году. И началась гигантская по своему

объему, но такая радостная работа. Освобождение от мусора и ненужных предметов, вы же знаете, что представлял собой наш храм в 90-е годы. Восстановление коммуникаций, канализации, отопления – всего, без чего невозможно дальше двигаться. Очень важным было строительство церковного дома. Без него, сами понимаете, никуда. Хотя бы просто для того, чтобы собрать единомышленников, встретиться, чаю попить, обсудить дела. А потом уже началось возрождение самого храма – приведение ограды в порядок, устройство территории и так далее, ремонт стен, крыши. Одновременно начался поиск архивных документов. Мы ничего нового не открывали, все делалось по отработанной схеме. Просто за каждой схемой стоят конкретные факты, неповторимые со-

бытия, ситуации, я уж не говорю о человеческих судьбах, связанных с храмом. И, конечно, постоянный поиск людей – помощников, единомышленников, доброхотов... Как без них? Если подбираются нужные люди, дело внешне дви-

жется само, а по существу – их энергией, трудолюбием, силами и средствами.

За это им низ-

кий поклон и благодарная память. Затем началось составление проектной документации. Есть летопись восстановления храма, там зафиксировано абсолютно все, любая мелочь. Одновременно с этим мы вели реставрационные работы крыши, шатра, купола, звонниц. Устраняли конструкции, которые были чужеродными для храма. – какие-то подпорки, подпорки, закрывали проемы... И конечно же – роспись храма и написание икон. Сейчас мы уже подошли к финальному этапу. Эти реставрационные работы ведутся у нас под управлением известного архитектора Якубени, который рекомендовал нам технологию и материал именно для нашей кирпичной кладки. Храм не был оштукатурен, и это не планировалось. Ведь наш храм считается памятником архитектуры,

10 декабря – праздник иконы Божией Матери «Знамение»
 Протоиерей Георгий Полозов рассказал «Лампаде», как идут восстановительные работы в храме

Отец Георгий

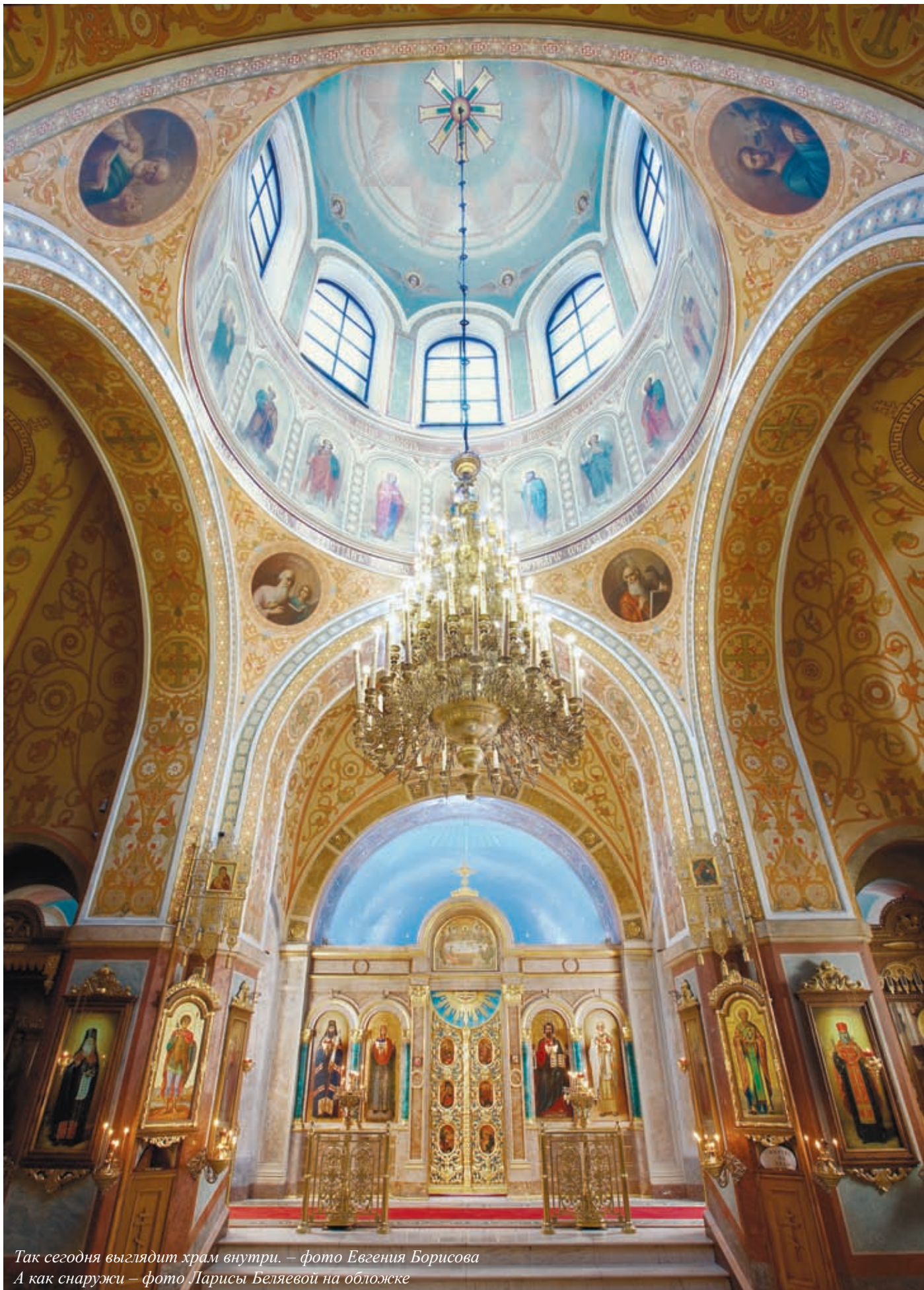
охраняется государством и не подлежит самовольным переделкам. Да мы бы и сами не стали это делать! Как можно вмешиваться в такую красоту?! Поэтому мы пошли таким же путем, как реставраторы Путевого императорского дворца, что на Ленинградском проспекте (раньше считалось: за Тверской заставой). Помните? Там была Академия имени Н.Е. Жуковского, какое великолепное здание! Мы познакомились с реставраторами, с компанией, которая выполняла эту работу, взяли у них материалы, они к нам приезжали, делали экспертизу нашего кирпича и дали заключение – рекомендации, как следует работать на нашем здании. Чтобы кирпич, во-первых, дышал, но чтобы и не задыхался под чужеродным покрытием, и, главное, мог противостоять агрессивной городской среде. Все это позволит сохранить наш храм в его первоизданном виде на многие десятилетия. Объявились «заинтересованные лица», которые предложили «помощь», но мы от нее отказались, потому что условия были неприемлемы для нас. Решили обойтись своими силами. Своими – это значит, прежде всего, с помощью наших прихожан – высококвалифицированных специалистов, которых знают по всей России. Нас спрашивали: на какие средства вы все это сделали? А мы отвечаем: у нас есть люди, есть мастера-специалисты, которые используют для работы свое свободное время. Потому мы такие богатые. Надеюсь, что с Божией помощью и с помощью наших прихожан и друзей мы к будущему лету закончим реставрацию полностью.

Так начинали

За многие годы бабу Любу узнала чуть ли не вся Москва

*Так сегодня выглядит храм внутри. – фото Евгения Борисова
А как снаружи – фото Ларисы Беляевой на обложке*

В течение 2012-го года в России образовано немало новых епархий. Как правило, они возникают в результате разделения епархий существующих. Коснулись перемены и одной из старейших духовных кафедр – Ярославской. Решением Священного Синода создана Ярославская митрополия, состоящая из собственно Ярославской епархии и вновь образованной епархии Рыбинской. Правящим архиереем в Рыбинске назначен епископ Вениамин с титулом Рыбинский и Угличский.

Наш автор Руслан Армеев, нередко пишущий нам из Ярославской области, рассказывает и о новой епархии, и о встрече с новым владыкой.

Епископ Вениамин: «Создать Церковь в каждом сердце...»

Спасо-Преображенский кафедральный собор. Первый каменный храм в Рыбинске. Построен в XVII веке

В одно прекрасное весеннее утро этого года мы, жители маленького городка Данилов на севере Ярославской области, проснулись не ярославскими мирянами, а... рыбинскими. Хотя никуда не переезжали и даже не думали менять местожительство. Оказывается, это до нас добралась церковная административная реформа – возникла новая, Рыбинская епархия и накрыла Данилов своим крылом. Разные вопросы засуетились под шапками да под платками – что да как? Ярославль-то – вот он, рядом, час на машине, полтора на электричке, а до Рыбинска надо добираться вкруговую, через тот же Ярославль, а то и через Пошехонье – далековато, долговато... В чем резон?

Узнали, что к Рыбинской епархии отошли все западные и северные районы Ярославской области, то есть церковные благочиния бывшей Ярославской епархии. Я даже над столом повесил себе список наших новых соседей, так сказать, по общей молитве, по совместным будущим духовным трудам. В Рыбинскую епархию вошли, значит, 12 благочиннических округов. Я их перечислю – вдруг кому-то интересно: Большое Сельское благочиние, Борисоглебское, Брейтовское, Даниловское, Любимское, Мышкинское, Некоузское, Пошехонское, Пречистенское, Рыбинское, Романово-Борисоглебское, Угличское.

Объявили нам в храмах и о новом нашем владыке – епископе Вениамине (Николае Ивановиче Лихоманове). Я тут же вспомнил, что ведь именно он, еще до пострижения в иноки, несколько лет редактировал популярное здесь издание «Ярославские епархиальные ведомости», а теперь – возглавляет кафедру теологии в Ярославском педуниверситете. Случай, а точнее – Промысел Божий, так устроил, что вскоре мне довелось встретиться и познакомиться – на правах штатного корреспондента «Лампады» – с епископом Вениамином.

Как ни открою сайт Ярославской митрополии – а там заведен особый раздел, посвященный новообразованной Рыбинской епархии, – смотрю, владыка Вениамин служит уже в другом месте. Вот он освящает новый храм, вот участвует в престольном празднике, вот проводит совещание, вот благословляет Крестный ход, вот у могилы исповедницы молитвенно читает память пострадавших в годы гонений на Церковь... Вся жизнь, получается, у него – на колесах. А летом, в день памяти Югской иконы Божией Матери, проплыл он на небольшом теплоходе по Рыбинскому морю и над затопленным городом Мологой совершил Божественную литургию. Сколько ведь храмов, монастырей, кладбищ осталось на дне рукотворного моря! Там теперь, скажем так, подводные владения Рыбинской епар-

хии... Не обошли стороной епископские маршруты и наш богоспасаемый Данилов. Вот тогда-то мне и удалось с владыкой пообщаться и даже записать нашу небольшую беседу.

– Ваше Преосвященство, поясните, пожалуйста, для чего в этом году Ярославская епархия была разделена на две?

– Не мы первые, как говорится, не мы последние. Еще, наверное, год назад многие архиереи стали просить об образовании новых епархий. Для чего это нужно? В епархии много приходов, много воскресных школ, много разных проблем и вопросов, которые приходится решать архиерею, и он, если честно, не успевает. Одному человеку все решать затруднительно. Поэтому необходимы помощники, а еще лучше – передать часть территории и часть проблем новой епархии. В Ярославской епархии до разделения было 260 приходов, 21 монастырь и много разных церковных структур. После разделения к нам, в Рыбинскую епархию, перешло 120 приходов и 8 монастырей. В первую очередь это делается для удобства управления, для того, чтобы епископ чаще посещал приходы и лучше знал их жизнь.

– А с чего начинается новая епархия?

– С вещей весьма прозаических. С создания, например, епархиального управления. Подыскали помещение – в Рыбинске, в ста-

ром здании около Спасо-Преображенского собора. Кстати, собор этот – год его освящения 1851-й – стал теперь нашим кафедральным... Нужно подобрать необходимые кадры. В каждой епархии обычно есть отделы по таким направлениям: религиозное образование и катехизация, миссионерская работа, социальная работа, работа с молодежью, издательское дело, информационный отдел. И у нас, если пока нет отделов, уже есть ответственные сотрудники за эти направления. Отдел религиозного образования уже действует, отдел по социальной работе есть, информационный отдел практически функционирует... Может, еще не всё на уровне, но мы стараемся.

– Получается, что у епископа довольно много обязательной чиновничьей, если не сказать – бюрократической, работы. Скажем по-современному: он должен быть энергичным менеджером. Но он ведь непременно и духовный пастырь. Как удается совмещать две столь разные и непростые ипостаси?

– Что ж, такое совмещение было изначально. Епископское служение идет от апостолов – они были первыми епископами. Слово «епископ» означает «блюститель». То есть ему даются полномочия, власть, духовные силы, для чего и существует таинство рукоположения – чтобы иметь ту помощь, те возможности, которые позволяли бы осуществлять и духовное руководство и вести дела в экономической, в материальной плоскости. Если угодно, да – менеджер. Естественно, епископ не может сам со всем управиться. У меня есть помощники, заместители, секретари, есть на той или иной территории благочинные, которые становятся представителями епископа.

– Мы прочитали вашу биографию – она размещена на сайте митрополии... Оказывается, вы заканчивали механико-математический факультет Московского университета. И только потом – Московскую Духовную Академию... Как человек с высшим техническим образованием принимает решение посвятить

свою жизнь Церкви?.. Может, у вас было какое-то потрясение – беда, несчастье, какой-то сильный толчок, который и заставил поменять свой путь?..

– Нет, ничего такого катастрофического, слава Богу, не случилось. Я-то в храм пришел – вернее меня привели родители, мама, – еще в детстве. Посещал храм и школьником...

– Это было на Вологодчине, в Соколе, – там, где вы родились?..

– Нет-нет, Сокол я плохо помню – до трех лет. Мы уже на Украине жили. Там, правда, в нашем городке церковь закрыли в 61-м году, во время хрущевских гонений. Но мы с мамой ездили в ближайшие города – в Никополь, в Запорожье. Помню прекрасно: учеба в школе и общение с людьми верующими. У нас хорошие были соседи. Вера поддерживалась в среде наших близких, знакомых... А выбор моего пути формировался уже где-то в старших классах и потом, во время учебы в университете – в направлении церковного служения. Я уже был знаком со священ-

Биография владыки

Епископ Рыбинский и Угличский Вениамин (в миру Николай Иванович Лихоманов) родился 2 октября 1952 года в городе Сокол Вологодской области, в верующей семье. Вскоре семья переехала на Украину.

В 1969 году окончил среднюю школу в городе Марганец Днепропетровской области и поступил на механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Университет окончил в 1975 году. Некоторое время работал в должности инженера в Институте математики и механики Казахской академии наук в Алма-Ате. С мая 1976 по июнь 1978 года – младший научный сотрудник во ВНИИ синтеза минерального сырья в городе Александрове Владимирской области. В 1978 году вступил в брак с Анной Никандровной Денисовой.

В октябре того же года митрополитом Ярославским и Ростовским Иоанном (Вендландом) рукоположен в сан диакона, затем – во пресвитера, с назначением вторым священником Воскресенского собора в Тутаеве. С октября 1979 года – настоятель Воскресенского собора и благочинный церковью Тутаевского округа. В 1984 году окончил Московскую духовную семинарию, а в 1999 году – Московскую Духовную Академию.

В 2002 году по обоюдному согласию брак был расторгнут, и оба супруга подали прошение о монашеском постриге.

Хлеб-соль владыке от игуменьи Даниловского Казанского женского монастыря Филареты

13 марта 2003 года пострижен архиепископом Михеем (Хархаровым) с наречением имени Вениамин – в честь священномученика Вениамина (Воскресенского), епископа Романовского. Супруга, монахиня Иоанна (Лихоманова), в настоящее время настоятельница Иоанно-Мариинского женского монастыря в Ставрополе.

С 1993 года избирался в члены Епархиального совета, с 2003 по 2009 годы исполнял обязанности секретаря Епархиального совета. С 1994 по 2006 годы нес послушание председателя епархиального отдела катехизации и религиозного образования.

С 1996 по 2003 годы был главным редактором «Ярославских епархиальных ведомостей».

С 1996 по 1997 и с 1999 по 2003 годы исполнял обязанности ректора Ярослав-

ского духовного училища. В 2006 году назначен заведующим отделением теологии, а с 2008-го – заведующий кафедрой теологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

С 2007 года – духовник Ярославской епархии.

Участвовал в Поместных Соборах Русской Православной Церкви в 1990 и 2009 годах, избирался делегатом двух миссионерских съездов.

С 2002 года – сопредседатель секции «Православное краеведение в системе образования» Международных Рождественских чтений. Участвовал в качестве докладчика в работе

более 30 научных и учебно-методических конференций различных уровней. Автор ряда научных и научно-популярных работ, а также нескольких статей о новомучениках в Православной энциклопедии. Принимал участие в подготовке к изданию ряда книг по краеведению.

Решением Священного Синода от 31 мая 2010 года избран епископом Рыбинским, викарием Ярославской епархии. 20 августа 2010 года в Преображенском соборе Соловецкого монастыря Святейший Патриарх Кирилл совершил чин наречения, а 22 августа возглавил хиротонию архимандрита Вениамина во епископа Рыбинского.

Решением Священного Синода от 15 марта 2012 года назначен правящим архиереем новообразованной Рыбинской епархии с титулом Рыбинский и Угличский.

никами, даже – с епископами. Мне просто посчастливилось: я встретил таких людей, которых можно назвать исповедниками веры – митрополита Алма-Атинского Иосифа, архимандрита Серафима (Тяпочкина)... Это были люди глубокой веры, они прошли репрессии, лагеря, защищали православие в самые лихие годы. Общение с ними давало силы, выстраивало мою жизненную позицию.

– А как вы оказались на Ярославской земле?

– После университета нужно было поработать несколько лет по специальности. Только потом я принял окончательное решение, хотя в то время это было не так просто. Власти в лице уполномоченных по делам религии всячески препятствовали людям, имеющим высшее образование, посвящать себя Церкви, становиться священниками. А выбрал я Ярославскую землю, потому что митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн, будучи большим ученым, высокообразованным и культурным человеком, умел договариваться с уполномоченными. Он многих рукоположил – бывших выпускников вузов, вот и меня – тоже.

– Нельзя не задать и такой вопрос: вы довольно поздно постриглись в монахи, а до того были, что называется, белым священником, были женаты на Анне Никандровне Денисовой. Брак расторгнут, читаем мы в вашей биографии, по обоюдному согласию. Вы оба приняли монашество. Теперь бывшая супруга – монахиня Иоанна (Лихоманова) – настоятельница Иоанно-Мариинского женского монастыря в Ставрополе... У вас, наверное, дети остались?..

– На тот момент, когда мы с супругой решили целиком посвятить свои жизни Богу, принять постриг, у нас была одна дочь, уже взрослая. А сейчас ей 33 года, у нее есть муж, дети...

Здесь я должен извиниться перед читателями «Лампады» – я ведь не мог не задать владыке несколько местных, «даниловских» вопросов. Может, вам это будет и не очень интересно, но посмотрите, как внимателен он к чужим вроде бы «мелочам». И это характерно для нашего духовного пастыря.

– Нас очень волнует, владыка, судьба главного даниловского городского Воскресенского собора – того, который в хрущевские времена был приспособлен под Дом культуры. Сможет ли он снова поднять свои купола и кресты над городом?

– Я надеюсь, что это свершится. Тем более что у нас есть договоренность с вашей администрацией, а эта договоренность поддержана и администрацией области. Начнет строиться здание для Дома культуры. И как только ему будет куда перейти, собор передадут епархии. Надеюсь, что этого не так долго ждать.

– Ох, разговоры давно идут, но пока ни одной лопаты грунта под фундамент будущего ДК не вынута...

– Тем не менее, строятся ведь на Руси и новые школы, и новые дома культуры... Да, бюджеты Министерства культуры и области невелики, но если чаще поднимать этот – даниловский вопрос, можно добиться выделения необходимых средств. Девяносто лет ждет город Данилов своего Дома культуры – может, уже подошла ваша очередь?..

– Вы сегодня благословили обустройство домового храма в Даниловской районной больнице. Значит, новая Рыбинская епархия поощряет создание больничных храмов? Существует такая установка?..

– Не везде есть больничные храмы, но молитвенные комнаты теперь открыты практически в каждой больнице. Это поддержка и больным, и тем, кто там работает, и родственникам больных – надежная духовная помощь. Надеюсь, что у вас всё состоится: помещение – я убедился – достаточное, хорошее, церковь будет.

– К даниловцам вернулась память о своем святом – блаженном Илие Даниловском, Христа ради юродивом. Написана его большая храмовая икона, во многих домах появились образки святого Илии. Дадите ли вы благословение на поиск его мощей?

– Обретение мощей – это Промысел Божий, и случится оно тогда, когда Господу будет угодно. Во всяком случае, готовиться к этому можно: собирать и архивные факты, и возможные свидетельства старожилов о месте упокоения святого.

– Больно видеть, как погибают сельские храмы. Их всё еще немало на нашей земле, заброшенных, забытых, а когда-то прекрасных – замечательной архитектуры. Спасти эти малые шедевры способа нет?..

– Многое зависит от инициативы сельских жителей. Там, где создается церковная община, где появляется энергичный староста, где находят возможность привлечь благотворителей, доброхотов, там дело сдвигается с мертвой точки, храмы оживают. Епархия это приветствует, поддерживает.

– Вы возглавляете кафедру теологии в Ярославском педагогическом университете имени К. Д. Ушинского. Какие люди приходят на отделение теологии, как отбираются?

– Отбираются люди туда на общих основаниях, поскольку это государственный вуз. Сдают обычные экзамены – обществознание, историю, русский язык. Правда, мы проводим собеседование, чтобы поступающие знали, что их ждет. Тем более что впоследствии и устроиться на работу по этой специальности не так-то просто. Такие специалисты востребованы в первую очередь в епархиальных структурах. В светских школах им не всегда находится

работа – наше общество еще не осознало ценности теологического образования.

– Вы довольны первыми выпускниками?

– Очень доволен. Многие стали священнослужителями, многие ведут воскресные школы. Неплохие у нас выпускники и на заочном отделении, куда, как правило, приходят люди зрелые, нашедшие свой путь.

– Вы сказали, что в епархии образован издательский отдел – какие у него планы?..

– Вскоре должна выйти книга о репрессированных священнослужителях и мирянах нашего Ярославского края. Готовим издания о новомучениках, о местных святых, краеведческие материалы...

– Что вы, Ваше Пресвященство, желали бы нам, даниловцам?

– Хотел бы пожелать всем милости Божией. А наше, пастырское, призвание – создать Церковь в каждом сердце, в семье, в городе. И исполнять во всё волю Божию.

Вот такой разговор состоялся у меня с новым правящим архиереем новой Рыбинской епархии – епископом Рыбинским и Угличским Вениамином. Я, конечно, поблагодарил владыку и взял у него благословение на публикацию нашей беседы... Немного времени прошло после этого, а он вновь и вновь побывал на нашей даниловской земле. С учителями обсуждал преподавание в школах «Основ православной культуры», со всеми нами участвовал в праздновании «городских именин» (12 сентября в день памяти св. благоверного князя Даниила Московского), освящал возрожденный сельский храм в Покровском-на-Лунке... И я понял, что мы, пасомые, теперь постоянно будем под внимательным оком нашего духовного пастыря. А это ведь хорошо и правильно, это тепло и надежно...

Скажу еще, что 2 октября, в день памяти благоверных князей Феодора Смоленского и чад его Давида и Константина, Ярославских чудотворцев, мы сердечно поздравляли епископа Вениамина с его 60-летием и молитвенно желали ему многая и благая лета.
г. Данилов, Ярославской обл.

СКРЕПЫ

Нет греха, когда человек бывает искушаем, но есть грех, когда человек бывает побеждаем.

*Преподобный
Нил Мироточивый*

Дмитрий Шеваров

Взойти на угор*

Недavno, в четвертом номере «Лампады», дочь русского поэта и писателя Александра Яшина – Наталия Александровна – рассказала о трудном пути к возрождению Крестовоздвиженского храма в вологодском селе Пермас, где сто лет назад, в 1913 году, поэт был крещен, где молились его предки. Сегодня мы решили подробнее рассказать о творчестве Александра Яшина. Для этого у нас есть замечательный повод: Наталия Александровна предоставила нам право первыми опубликовать неизвестные стихи из архива отца.

Трясучий «газик» с рваным брезентовым верхом выбрался одним боком на сухую обочину и тормознул у опушки леса. Водитель махнул рукой: «Вон тропинка, глянь... Это на Угор, к Яшину...». За глухой стеной тайги ничего особенного не угадывалось. «Газик» рванул, плюхнувшись в очередную лужу, и мы погнали дальше. Куда ехали, за чем спешили – разве теперь вспомнишь? А на Бобришном Угоре не пришлось побывать. Так и спешишь вечно куда-то, лишь краем глаза примечая самое, быть может, главное.

В начале 1960-х на Бобришном Угоре, вблизи родной деревни Блудново, русский писатель Александр Яшин построил себе дом. Не коттедж для отдыха, не хоромы, а избенку, уединение для работы. Место это потаенное было примечено им еще в детстве, с друзьями-мальчишками он взбегал на Угор, откуда, кажется, всю Россию видно. Здесь, на Угоре, и похоронить себя завещал.

Есть снимок поразительный: как через поле, бескрайнее поле, течет по дороге народ – жители окрестных деревень провожают земляка-поэта в последний путь. Женщины в платочках, в старинных домотканых сарафанах... 1968 год. Яшину было всего пятьдесят пять лет.

Много лет, с 1980-х годов, Александра Яшина почти не издают. Не до него нашим издателям. Читатели, пожалуй, уже и не вспомнят, кто написал стихотворение «Спешите делать добрые дела!».

Правда, лет десять назад вышли две яшинские книги. Первая – в московском издательстве «Русская книга», называется «Живая вода», по названию послевоенного яшинского сборника лирики, который набрали в 1947 году, но в свет он не вышел – был запрещен. Вторая, «Слуга народа» (по названию одной из

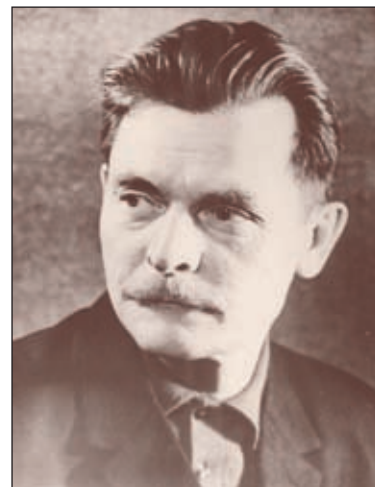
самых сильных повестей Яшина), издана на родине поэта, в Вологде.

Эти книги, бережно подготовленные дочерью писателя Наталией Александровной, увы, не были замечены критикой, хотя они вовсе не переиздания. В них нам открывается новый Яшин. В вологодской книге впервые без купюр опубликована повесть «Баба Яга», задуманная Яшиным еще в 1960 году. Это история о деревенской старухе Устинье, прозванной председателем колхоза Бабой Ягой за то, что она, живущая одна-одинешенька в заброшенной деревне на острове, отказывается покидать остров и растит свой огород без руководящих указаний партии. Яшинская повесть предвосхитила «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина, но при жизни автора не появилась в печати. В 1969 году ее планировал опубликовать Твардовский в «Новом мире», но вскоре он вынужден был уйти из журнала, и набор рассыпался.

Здесь же, в вологодском издании, другая выстраданная и провидческая повесть Яшина – «Слуга народа». Она появилась в журнале «Москва» через много лет после смерти писателя.

Впервые публикуются фрагменты из дневников Яшина последних лет жизни. Читаешь его записи, и кажется: это же про нас, про то, что мы переживаем. Из дневника А. Яшина (2 апреля 1962 года, Дом творчества писателей в Ялте): «Без конца болтают... О чем? Кто что вспомнит из вычитанного из западной литературы, из узанного о загранице, об американском кино, о кинозвездах... Анекдоты, хохмы о королях, о принцессах... Слушаю, слушаю и ухожу... Хоть бы что-нибудь доброе о нас. О России – не в сочинениях, не для вечности, а так, в простом человеческом разговоре...».

В дневниках и духовный смысл Бобришного Угора открывается. Вот из записей 1966 года: «Уже давно у меня появилось желание творческого одиночества – этим объясняется и строительство

дома на Бобришном Угоре... Очень уж моя жизнь стала тяжелой, безрадостной в общественном плане. Я слишком много стал понимать и видеть, и ни с чем не могу примириться... Переселение на Бобришный Угор... Разложил свои тетрадки и гляжу в окно, наглядеться не могу. Мать и сестра ушли домой под дождем.

Я остался и рад. Удивительное чувство покоя. Пожалуй, сейчас я понимаю отшельников, старых русских келейников, их жажду одиночества... Из-за одной этой лунной тихой, правда, еще холодной ночи стоило строить мою избу... Мне такое заточение в глуши лесов, снегов, дороже славы и наград – ни униженья, ни оскорбленья, ни гоненья. Я тут всегда в своем доме, в своем лесу. Здесь родина моя...».

Конечно, эти минуты затворничества были очень краткими. Надо было возвращаться в Москву, ходить по редакциям, зарабатывать на хлеб. Близкие друзья шутили говорили о семье Александра Яковлевича: «Яшинский колхоз». Семь детей! (Сейчас внуки и правнуки поэта живут не только в России, но и во Франции, куда еще в советские годы уехал сын Яшина Михаил).

Каждое лето Яшин старался свозить детей на свою малую родину. Дочь поэта Наталия Александровна рассказывает: «Я еще помню престольные праздники. Кажется, только что это было. Часовни, которые раньше были в центре деревень, давно сломали, но все равно каждая деревня собирала со всей округи родственников, знакомых, отмечая тот праздник, которому посвящен был пре-

* Угор – место, идущее в гору, подъем круче изволока. (Словарь В.И. Даля).

стол часовни или храма. На плотиках, на лодках переплывали Юг-реку празднично одетые, подхватывали корзины с пирогами, снедью и шли в дома, где чистота была необыкновенная: выскобленные дрсевой добела некрашенные полы, устланные половиками ручной работы. А там встречали приветливые хозяева. Кипящий самовар, пироги... И пиво было свое, деревенское, и песни свои. Помню удивительно строгие хороводы – женщины как плыли, незаметно притопывая каблуками... Много было всего и веселого, и грустного, но главное – сохранялась в людях радость жизни. ...Деревня жила, хотя свет провели уже после смерти отца и не без его ходатайства...».

Сколько до сих пор неопубликованных крестьянских писем хранит его архив! Некоторые, особенно дорогие ему отклики, он носил с собой, в кармане, на сердце. И в июле 1968-го провожали Яшина земляки как человека, положившего жизнь свою за правду.

Да, были в те годы правозащитники, а были правды защитники. Первые взывали к Европе и Америке, жаждали свобод и общечеловеческих ценностей, вторые обращались к сердцу и уповали только на совесть. Не к месту сейчас углубляться в эти расхождения. Но путь, пройденный нами с тех пор, показал, что куда легче обрушить границы и упразднить цензуру, чем достучаться до сердца. «Потери сердца людям не видны...». Это из стихотворения «Отходная», 1966 год.

В Яшине всегда сначала говорила совесть и только потом – художник. Теперь искусство празднует свободу, но без нравственного начала, без корня, и все художественное теряет силу, иссыкает.

Сейчас уже трудно восстановить контекст эпохи и понять, какое огромное впечатление Александр Яковлевич производил везде, где появлялся. Красивый, сильный человек, очень обаятельный, очень яркий. В конце 1970-х заявку на книгу о Яшине подавал замечательный критик Валентин Курбатов, но предложение отвергли. Так и нет до сих пор настоящего, вдумчивого труда об Александре Яшине.

Кем же он был для своих современников? Для интеллигенции – прежде всего автором «Рычагов» и «Вологодской свадьбы». Эти небольшие рассказы появились не в самых тиражных изданиях (первый был опубликован в альманахе «Литературная Москва» в 1956 году,

второй – в № 12 «Нового мира» за 1962 год), но стали откровением для мыслящих людей, а номенклатуру напугали так, что на травлю Яшина была поднята вся газетная рать. В январе 1963-го «Комсомольская правда» гвоздила Яшина за «Вологодскую свадьбу» в таких выражениях: «Как могла подняться у Вас рука?... Вы черните даже то, что принес в деревню колхозный строй... Свадьбу играют, как в старину... В райкомовской машине Вы везете сваху с иконой... Вы не скрываете восторженного отношения к старинным обрядам...».

Яшин рассказал о деревне пьющей, замордованной нищетой и директивами, но живой, хранящей традиции в душе, а не в одних лишь сундуках, не только для смотров художественной самодеятельности. И можно было легко догадаться, что во многих крестьянских душах жива еще вера в Бога. И это после великих переломов и колхозов «Безбожник», после хрущевского погрома уцелевших до той поры монастырей и храмов, после громкого обещания Хрущева показать по телевизору «последнего попа»! Получалось, что государственная машина столько лет без толку утонула сознание русского народа. Такой правды Яшину простить не могли. Для него закрылись двери издательств и редакций, его распинали на партсобраниях. Союз писателей отменил его юбилейный вечер – в 1963-м ему исполнилось пятьдесят.

Огромной поддержкой в те дни для Яшина была заметка, опубликованная в «Литературной России», ее написал К. Г. Паустовский: «Мы часто пользуемся выражением “сын народа”... Александр Яшин – подлинный талантливый сын нашего Севера, вологодских краев... участник братства простых трудовых людей, и в этом – его сила».

Паустовскому посвящено одно из последних стихотворений Яшина – «Переходные вопросы», оно начиналось фразой: «А в чем моя вера?». Паустовскому он писал из своей последней больницы: «Дорогой мой Константин Георгиевич!.. Меня в последние годы с особенной силой тянуло к Вам, сердце чуяло, что иначе не увижу Вас больше... Позвольте сказать Вам, что люблю вас, что дни, когда мы бывали вместе, считаю счастливыми днями в своей жизни, что общение с Вами очищало душу мою и возвышало ее... Конечно, я понимаю, что не оправдал надежд, которые Вы возлагали на меня, даже из написанного почти ни-

чего не дошло до конца. И мне самому особенно трудно из-за этого...».

«Милый Яшин, я тоже болен и поэтому не могу прийти к Вам сейчас, чтобы немного утешить Вас, – ответил ему Паустовский, – Держитесь. Нас осталось мало – лес редеет...».

Среди тех, кто его ценил и любил, были очень разные люди. Дружескими отношениями с Яшиным дорожили Михаил Михайлович Пришвин, Корней Иванович Чуковский, Константин Михайлович Симонов, Владимир Тендряков, юный тогда Саша Аронов и многие, многие...

Александр Исаевич Солженицын сидел в больничном коридоре у палаты умирающего Яшина и писал ему письмо, в надежде, что тот еще сможет его прочитать.

С глубокой привязанностью относилась к семье Яшина великая пианистка Мария Вениаминовна Юдина. Как родного отца, любил Яшина бывший детдомовец Николай Рубцов. Учениками Яшина считали себя большинство вологодских писателей, собственно, с него и началась «вологодская литературная школа».

Наталья Александровна Яшина пишет в предисловии к книге отца: «Некоторые считают, что советские писатели были не духовными людьми. Это не так. Была горячая, действенная любовь к людям, к родине, было восхищение природой, как творением Божиим. И такие, как они, сохранили веру в Бога через любовь к отчеству... Лучшие писатели несли духовную нагрузку. О том, что часто писатель был “мирским духовником”, свидетельствует огромное число читательских писем. Люди обращались к писателю как к близкому человеку. Такие писатели, как мой отец, искали духовный путь, творчеством своим воспитывали, поддерживали, подпитывая в человеке нравственную основу. Призывали к правде, в какой-то мере восполняя словом отсутствие храмов, проповедей, конечно, на мирском уровне. И были в людях горение и любовь, не было этой страшной убивающей теплохладности, безразличия...».

Кому теперь посильно написать такую строчку, которая бы сразу всколыхнула нас? Всколыхнула бы и навсегда ушла в народ. И ушла бы не как удачная игра слов, но как истина, евангельски обжигающая.

«Спешите делать добрые дела!..»

Александр Яшин

«Верить в Божью милость...»

Я родился в тринадцатом году
Нет, не в избе и даже не в постели,
А на гумне, в углу, на холоду,
Но в золоченой был крещен купели.

Мы жили впроголодь, в чаду, в грязи,
Лучиной прокопченные, в коросте,
Но иногда отец домой с погоста
Нам в позолоте пряники возил.

Жизнь – беспросветная нужда,
Все где-то понемногу золотилось,
Мать приучала верить в Божью
милость,
Отец твердил, что горе – не беда.

* * *

И я нередко с совестью не ладил
В угоду прихоти и плоти ради,
И мне, наверно, надо бы поныне
Грехи свои замаливать в пустыне.

14/VI-58 г. (вариант)

* * *

Люблю выходить из лесу
К поезду, к насыпи, к линии...
Весь в росе...
Может, кто-то махнет рукой.
Поезда идут –
Дачный, дальний, другой какой...
Вдруг мне кто-то махнет рукой.

* * *

В щели жизни моей
Задувает ветер,
А щелей с каждым годом
больше,

И они все шире,
И ветер уже не просто сквозит,
А воеет и свищет.

* * *

Сегодня в Блуднове – Николин день, –
Гости, столпотворение.
А мне надо высидеть свой трудовень –
Написать стихотворение.

Хожу, как священник –
Из дома в дом,
Пивом и брагой чествуют.
Вырвался вот...
Но – поют, поют под окном,
Мешают.
А может, содействуют?

Хромки да венки. Цветные мехи.
Пиво – и все, что следует...
Девушек лучшие женихи
Плениают велосипедами.

Только что грузовик привезли
Новенький, из Великого Устюга,
И вот уже Вася шофер в пыли,
Упившись, лежит под кустиком.

А у девочек – выраженья лица,
Бусы – цветные горошинки
Шелком подкладочным жгут сердца,
Если б еще и кокошники.

Парни затеяли драку,
Сбросили пиджаки,
Но все для того лишь,
Чтоб посмешней, наверняка
Сняться,
Попасть на кинолентку.

Всех снимаю...
Радуги, а не парочки
Мне – экзотика
Им одно –
Будут ли фотокарточки.
Мне сарафаны больше нравятся.

22/VI-58 г.

* * *

Это молодость или старость?
Не стихает жажда любить.
Потому ль, что мало осталось
Мне на этом свете пожить?

ИЗ СТИХОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ

* * *

Моей любимице,
Моей красавице
Из сердца выльются,
Чтоб ей понравиться –
Дочурке старшенькой
Слова сердечные,
Моей Наташеньке
На веки вечные.

* * *

Как дудочка или гобой,
Она лежит перед тобой.
Чуть синеватые белки,
А пальцы словно лепестки.
Всего-то слов:
– Агу! Ага!.. –
А как мила и дорога!

В руках у матери с отцом
Звонит поддужным бубенцом.

ЗЫБКА

В красках нарядные книжки,
Елочные игрушки.
Радуются ребятишки,
Радуются старушки.

Радуются дети,
Радуются тети.
Дети и тети,
Папы и мамы.
Бабушки больше рады.

Дети визжат, хохочут,
Бабушки слезы точат.

НЕ ОДНО И ТО ЖЕ

Есть у нас в лесу черника,
Есть и голубика,
Это не одно и то же,
Правда, ягоды похожи.

Голубика небу в цвет,
Голубая очень.
В цвет черники неба нет,
Разве только ночью.

Черная,
Она видней
Даже в темной чаше.
Голубика – та крупней,
Но черника слаще!

СТВОЛ БЕРЕЗЫ

Вся береза в молодых сережках.
Старый ствол ее в узлах резьбы –
Словно стены вековой избы
В трещинах,
В волоковых окошках.

Сколько глаз прищуренных и лиц,
Сколько по небу парящих птиц,
Всяких темных пятен, завихрений,
Как проталин на земле весенней.

Крепок ствол – поди, качни плечом!..
Листья что? –
Их время преходяще,
Облетят – и нет их,
А о нем
Лесорубы скажут:
– Подходяще,
Не уступит дубу нипочем.

Наталья Лайдинен

* * *

В сердце тихая память Сияя:
Вещий куст и звезда-Купина!
Наша новая встреча земная –
Полыхнувшая в сердце весна.

Восхищенье! Растаяла гордость.
Мне земного блаженства не жаль!
Все пройдет, но останется голос
И рожденная небом скрижаль.

* * *

Сквозь отреченья, чужую зиму,
Ошибок и заблуждений петли
Одна дорога – к Иерусалиму!
Горят в душе маяки столетий.

Пускай другие помочь не могут:
Пески и воды сковали царства.
Одна дорога – к тебе и к Богу
Через проклятия и мытарства.

* * *

Мы связаны путем одним.
Сквозь боль и мрак, сквозь дождь
и дым
Идем назад в Иерусалим.

Из дальних стран и областей,
Из плена скорби и страстей
Господь зовет своих детей.

Для всех заблудших и слепых
В дороге знаки и столбы –
Принятие своей судьбы.

Нам крыша Храма – небосвод.
Звезда высокая ведет,
Вновь собирается народ.

Через страдания темных лет
Сияет пробужденный Свет.
Так исполняется Завет.

В разлуке долгой уцелев,
Призванье различив во мгле,
Мы все идем к своей Земле.

* * *

Увези меня обратно на Святую
Землю,
Где все камни живые, в каждом –
скрытая память,
Где Создателя образ ветрами
по душам развеян,
А с вершины горы до сих пор
спускается пламя.

Увези меня, милый. Я знаю на ощупь
дорогу.
Я сольюсь с тишиной, в ней открою
россыпи клада!
Я хочу озвучить любовь. Стать еще
ближе к Богу.
И купаться с тобой по утрам
в водопадах.

* * *

Именам не стереться.
Даже в черной пустыне
Пламенеет свеча.
У меня через сердце
Льются слезы Хатыни
И чужие младенцы
В моем чреве кричат...

Обгоревшие кости
Жаждут поминовенья!
Их мольба – леденит.
Горький дым Холокоста –
Всем набат от забвенья:
Это очень непросто –
Оставаться людьми.

* * *

Тишина закатами поздними,
Снега призрачная зола.
Сочетанье серого с розовым,
И над заревом – купола.

Звезды ранние, безмянные,
Серебром над снежной рекой.
Зимы, звезды, полозья санные
Бередят душевный покой.

Ноги выскользнули из стремени,
Чаша будущего пуста.
На душе мороз и безвременье –
Снова ждем прихода Христа.

Избы сказочны деревянные,
По старинным крышам резьба.
Все мы избранные и званые,
Если в сердце дышит – судьба.

* * *

Нездешней болью путь усеян,
Ведом рукою неземной.
Ручьи пророка Елисея
Вновь очищают глубиной.

Небес сверкающая милость, –
Даруй не власть, не звон монет!

...И падает на плечи милость,
Небесной силою – вдвойне...

Вдруг расступаются просторы
Воды и солнечных полей.
– Пусть прекращаются раздоры!
Пусть умножается елей.

В глаза царей – ожоги правды,
Всех идолов – долой из ниш!
Мой Элоим, тебе нет равных:
И ты со мной, и ты хранишь...

* * *

У каждого внутри – своя Голгофа,
Тернистый подступ к огненным
мирам.
Я от стихов услышанных оглохла,
Но стала видеть вознесенный храм.

Пусть на земле толпятся фарисеи
И ждет народ знамений от жреца,
Есть у судьбы иная Одиссея –
Признание небесного Отца,

Божественного духа! В каждом сыне
Живое откровение идей.
Движение всегда во тьме, в пустыне,
В служении любви – среди людей.

Межзвездные блуждают пилигримы,
Ложатся краски на канву холста.
Пути людские неисповедимы,
Но в каждом – искра от судьбы
Христа.

* * *

До земли родителям кланяйтесь,
Навещайте без суеты!
Отчий дом является кладезем
Силы, мудрости и доброты.

Не жалейте слов благодарности,
Не стесняйтесь вашей любви!
Только здесь все горести, радости
Можно с близкими разделить.

Мы в столетьях связаны нитями:
Сокровенно слово «семья».
Почитайте ваших родителей
Сердцем – дочери, сыновья!
Все уходит – и возвращается,
В нужный срок нам всем суждено
Повторить рождения таинство,
Продолжая подвиг земной.

Дмитрий Шеваров

И все-таки красота – есть

Два зеленых листочка с древа отечественной иллюстрации

Недавно в Коломне, в культурном центре «Дом Озерова», тихо и скромно прошла первая персональная выставка 27-летней художницы-иллюстратора, выпускницы факультета графических искусств Московского университета печати Евгении Лоцмановой. Для всех, кто успел побывать там, это стало тем редким событием, которое долго-долго согревает душу. И, вспоминая тот день, ясно понимаешь, что тебе был явлен Божий дар – утренний, наполняющий счастьем, созвучный мировой классике и при этом узнаваемо русский.

Во время открытия выставки даже те, кто давно знаком с Женей, смотрели на нее с тем изумлением, которое бывает при первой встрече. Неужели автор всех этих работ, которые столь совершенны, что хочется назвать их классикой, – вот эта тоненькая, порывистая девушка, перенесшая несколько тяжелых операций?

Женя Лоцманова работает в технике автолитографии, когда рисунок наносится на камень. Тут каждое движение требует и силы, и твердой руки, и точного расчета: ведь если ты ошибся, то камень испорчен и надо начинать все сначала. Кроме того, в автолитографии, в отличие от рисунка или живописи, конечный результат движений твоих рук виден не сразу, а лишь после появления оттиска.

Ее иллюстрации к сказкам Х.К. Андерсена, А.Н. Толстого, С. Писахова и К. Льюиса прежде всего говорят о том, что отечественное искусство книжной иллюстрации живо. И не просто живо – это чудо-дерево цветет и плодоносит! Но искусствоведы, знакомые с положением в нашем искусстве, говорят, что такие события, как выставка Евгении Лоцмановой, – это еле приметная вспышка звезды на ночном небе. Специалисты с унынием констатируют, что традиция, заложенная еще Еленой Поленовой и Иваном Билибиным, Юрием Васнецовым и Татьяной Мавриной, почти утрачена. Разрушается система академического художественного образования. Агрессивный книжный рынок, пытаясь «перформативировать» читателя в потребителя, отказывается от

художников-иллюстраторов и ограничивается услугами дизайнеров. Вот и изданий с иллюстрациями Лоцмановой вы не найдете в книжных магазинах.

У Жени не вышло еще ни одной книги! Это большой грех наших издателей и перед художницей, и перед маленькими читателями. Впрочем, несправедливость коснулась и подруг Жени. У талантливых молодых художниц, приехавших в Коломну на открытие выставки, тоже нет еще своих книг и перспективы весьма туманна. Александра Пономарева, Татьяна Карп, Надежда Чехонина, Юлия Леоничева, Александра Павлова... – все они учились или еще учатся на факультете графических искусств Университета печати (в советское время это был один из самых известных вузов и назывался в народе просто «Полиграф»). Все они – ученицы знаменитых мастеров отечественной книжной графики, народных художников России Бориса Аркадьевича Диодорова и Николая Львовича Воронкова.

Вы, наверное, удивитесь, что я называю только девичьи имена, а ведь книжная графика всегда считалась делом мужским. Но драматизм нынешней ситуации в том и состоит, что юноши не идут сегодня в иллюстрацию – там не заработаешь. Покоряясь рыночной конъюнктуре, они выбирают компьютерный дизайн, с которым можно преуспеть в глянцево-журналах и рекламных агентствах. Вот и получилось, что нелегкая ноша – быть русским иллюстратором – легла почти исключительно на девичьи плечи.

Этой осенью вышел в свет (спасибо московскому издательству «TriMag») огромный каталог «222 лучших молодых иллюстратора из стран бывшего Советского Союза». Удивительно, как у маленького издательства, занимающего две комнатки на окраине столицы, хватило сил и терпения подготовить и выпустить такое многотрудное издание. Ведь чтобы отобрать для каталога лучших, надо было просмотреть работы 3 857 молодых художников!

По идее, издать такое полезное справочное издание должно было бы Федеральное агентство по печати и

массовым коммуникациям, но там, очевидно, хватает и других забот. Пока государству нет дела до молодых иллюстраторов, а значит, и до того, какие книги завтра придут к нашим детям. Не успеем оглянуться, как они будут читать напечатанное вроде бы на русском языке, но по существу, по духу страшно чуждое нашим традициям, нашему представлению о том, какой должна быть детская книга. Уже сегодня, заходя в магазин, мы видим застывшие переводной литературы. Особенно агрессивно вторгаются на детские книжные полки скандинавские писатели, которые «смело» пересматривают как отношения взрослых и детей, так и отношения между детьми.

Почти все переводные книги выйдут теперь с иллюстрациями зарубежных художников. Казалось бы, ничего страшного. Но ведь не случайно в советское время и М. Твен, и А. Линдгрэн, и А.А. Милн, и Д. Родари – все выходили с иллюстрациями наших, русских художников. А ведь и советские издатели легко могли купить права и на иллюстрации и не мучиться. Но замечательным людям, руководившим в советское время «Детской литературой» и «Малышом», очень важно было, чтобы *наши* художники нашли те образы героев, которые будут *родными* для наших детей. Эта мудрая установка помогала сохранять и развивать нашу школу иллюстрации, художники имели свой кусок хлеба.

Да, современное искусство чудес не предполагает. Божий дар вынесен за скобки. Как говорят сегодняшние деловые люди, «это даже не обсуждается». Есть тренд, есть бренд, есть раскрученные «актуальные художники» со своими арт-объектами и перформансами. И напрасно спрашивать: а где же красота, где радость, где любовь к Божьему миру? В лучшем случае над вами посмеются и скажут, что вы ничего не понимаете в искусстве, что красоты в старом понимании больше нет. А если она вам так нужна, то ступайте в свою Третьяковскую галерею...

И все-таки красота – есть. Поругаемая, гонимая, лишенная и мастер-

Е. Лоцманова. «Тише, мыши, – кот на крыше»

Е. Лоцманова. Иллюстрация к сказке «Жар-птица»

Е. Лоцманова

Е. Лоцманова. Иллюстрация к сказке «Жар-птица»

А. Пономарева. «Зима в Прилуках»

А. Пономарева. Иллюстрация к сказке «Снежный дом»

А. Пономарева. «Облачный день. Тотьма»

А. Пономарева. «Закат в Тотьме»

А. Пономарева. «За водой»

ских, и гонораров, и шумных презентаций, она теплится на полотнах и графических листах где-то рядом с нами. Икогда она вдруг является нам в тишине какого-нибудь окраинного выставочного зала или провинциальной галереи – то сердце говорит нам: вот это и есть чудо. Не беги, не спеши, стой рядом с ним, подыши красотой, на-

берись сил. Ведь ты выйдешь сейчас на улицу, и надо как-то жить дальше среди кривых зеркал, кривых мне-

ний, кривого сознания, жить по правде среди кривды.

P.S. В Коломне, на выставке Жени Лоцмановой, я встретился и с ее подругами. Среди них самой немногословной и серьезной была Александра Пономарева. Ее мы тоже решили представить сегодня в «Лампаде», и не только литографскими иллюстрациями, но и живописными работами, написанными в дальних поездках по русской провинции.

О себе, об искусстве, о смысле жизни...

Евгения Лоцманова

Мой прадедушка по материнской линии происходил из деревни Егорьевского уезда, где процветал иконописный промысел. В юности он продолжил семейные традиции. После революции род занятий пришлось сменить, но, быть может, благодаря прадеду я стала художником-графиком. И иконопись, и книжная иллюстрация – виды искусства, не допускающие суеты, включающие труд достаточно кропотливый, требующий глубокого погружения и напряженной душевной работы.

Когда я рисую картинку к русским сказкам, я потихоньку пою русские народные песни. Возможно, те самые, что пел и прадедушка.

Мои герои – в основном из детских впечатлений и каких-то смутных, но очень милых сердцу ассоциаций. Если эти ассоциации удастся сохранить в работе над картинкой – значит, она получается. Всех своих персонажей я по-своему люблю, иначе никак нельзя. Знаю, у кого какой характер, даже если в тексте о нем не сказано. Некоторых героев рисую с самых близких людей. Например, с мамы. Но они все равно получаются сказочными.

Сказочных персонажей, мне кажется, я рисовала с детства: зайчиков, гномиков, Синдбада-морехода. Помню, как придумывала и рисовала книжку про зверюшек с другой планеты. Уже в художественной школе на уроках композиции старалась выбирать сюжет, связанный с тем или иным литературным произведением. Тему ожидания раскрывала, изображая Пенелопу на ступенях дворца Итаки, с огромным интересом делала картинку к «Пиковой даме».

Мне запомнились слова Ники Георгиевны Гольц, одной из моих любимых иллюстраторов, сказанные на встрече с нами, тогда еще студентами. Она сказала: самое интересное и волшебное происходит рядом, надо просто это увидеть. Так же у лучших писателей: в описание реальной, обыденной жизни неотделимо вкраплены драгоценные зерна чудесного и сказочного.

В окружающем нас мире далеко не все открыто, зримо и осязаемо. Поэтому самое замечательное занятие на свете – рисовать зримое, улавливая незримое. Мои впечатления от реальности, проходя путь от художественного образа до готового произведения, непроизвольно приобретают черты какого-то своего уютного мирка.

Очень люблю свою родную Коломну, особенно ее старую часть, с храмами, монастырями, уютными домиками и еще хранимой атмосферой древнего купеческого городка. Мое любимое место в городе – маленький храм Николы на Посаде.

Я с друзьями довольно много ездила на пленэры по провинции, но вологодские края произвели на меня особенное впечатление. Навсегда запомнились длинные, тихие закаты и люди с большими, открытыми глазами...

Когда рисую, то почти всегда обращаюсь к воспоминаниям из детства, стараясь в работе оживить первые, самые яркие впечатления от знакомства с миром.

Мне как художнику хочется найти свой, неповторимый и узнаваемый стиль, язык собственный, но зрителю понятный, с помощью которого я смогу говорить и с современным, и с будущим человеком. И тут приходится искать, пытаться передать в работе интересные мне темы так, чтобы и другие в них нашли для себя пищу для созерцания и размышлений.

Мне иногда кажется, что «современного искусства» сейчас слишком много. Оно часто стремится лишь к эффективности, а получается – поверхностно и мимолетно... В любом случае мы все – современные, кто бы о чем ни говорил: даже если обращаемся к историческим сюжетам, все равно способ изображения, стилистика, ритм у нынешнего художника, музыканта или артиста будут чувствоваться и узнаваться. В изображении же актуальных тем мне кажется важным не гнаться за яркой оберткой, модной привлекательностью, а постараться проникновенно, искренно, с любовью говорить с аудиторией, найти нужный ключ к этому общению. Мне это видится необходимым среди всеобщего, всепоглощающего цинизма нашего времени.

Ближайшая моя желаемая цель – проиллюстрировать «Сказ про Федота-стрельца» Леонида Филатова, а в будущем, конечно, мечтаю о великих классиках — Чехов, Достоевский, Пушкин... Кроме того, хотелось бы поработать в детской книге для раннего возраста, прежде всего, конечно, проиллюстрировать сказки, развивающие книжки.

Быть художником – это, несомненно, истинная радость и большая роскошь. Ради этого, естественно, приходится жертвовать чем-то. Конечно, хочется материальной отдачи, поскольку нет ничего страшнее и тяжелее, чем жертвовать семьей; деньги в наше время – это залог спокойствия за родных и близких. Зарабатывать надо, и сложнее всего, наверно, при этом остаться собой. Но я надеюсь, что с Божьей помощью все преодолеть.

Александра Пономарева

Татьяна Москвина-Яценко

Как смотреть кино?

«Все мне позволительно, но не все полезно. Все мне позволительно, но не все назидает. Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною», – слова апостола Павла (1 Кор. 10:23), которыми можно руководствоваться и при анализе кинопроизведений. Но кто из нас обладает такой свободой духа во Христе?»

Кому под силу анализировать религиозную составляющую таких мощных современных блокбастеров, как языческий «Аватар», побивший рекорды кассовых сборов в нашей стране, или сериалы про вампиров? Это не просто фильмы-аттракционы.

В финале «Аватара», к примеру, человеческая душа переселяется в матрицу демона, созданного людьми, и зритель аплодирует чудесному спасению героя. Комментатор радио «Радонеж» справедливо говорил о том, что «Аватар» – мина замедленного действия, так много в нем подмен. Кто из критиков с православной точки зрения анализировал фильмы культовых режиссеров Тарантино или Тима Бертона, Ларса фон Триера?

В рамках кинофестивалей, открыто работающих с православной тематикой, таких, как «Золотой витязь», «Радонеж», обнинская «Встреча», несколько лет подряд проходят круглые столы и научные конференции, призванные привлечь внимание к проблемам осмысления современного кинопроцесса с позиций Православия. Сразу скажу – много разночтений. Об искажении добра, любви, веры в наших фильмах говорится много, охотно и увлекательно, но разобраться в смыслах трудно. Невосцерковленному зрителю сложно объяснить, что фильм Алексея Федорченко «Овсянки» – талантливый языческий триллер с некрореалистическим духом, эксплуатирующий чувственность даже в момент смерти. В 90-е годы в Ленинградской киношколе было целое направление – некрореализм.

Кино, как известно, коллективный продукт творчества. Порой сам автор не представляет, что получится. Фильм «Елена» Андрея Звягинцева – профессиональный, талантливый. Но даже такой либерал, как кинокритик Андрей Плахов, задает вопрос: «Зачем мне смотреть этот фильм? Что он добавляет к моему знанию о жизни?». Или все-таки что-то добавляет? Ведь лента говорит о механизмах зла

в современном мире, лукавых подменах, проявлениях порока, ставших нормой повседневной жизни. При этом главные герои – люди не самые плохие. Владимир, чиновник высокого ранга, судя по пачкам купюр в сейфе, – человек коррупции. Елена – его вторая жена – живет в богатом доме на правах домработницы и сожительницы. У нее есть сын, внуки растут, которые, спорта ради, бьют голодных бомжей. У него – дочь-наркоманка, кому он хочет завещать все имущество. Герои – вполне приличные с виду люди, не отпетые негодяи, но казнокрады, женолюбцы, сребролюбцы и даже убийцы. Повседневность подмен – ведущая тема фильмов Звягинцева. Его завораживает обыденность греха. Как и другого талантливого режиссера современности Алексея Балабанова. В его «Кочегаре» все художественно оправданно. Контуженный якут, снайпер, герой афганской войны, разрешал боевым товарищам, как мы понимаем вскоре, отпетым бандитам, сжигать в печи кочегарки трупы «плохих людей», пока сам не понял по знакомой туфельке, что сожгли в топке его дочь. Говорят: старый сюжет, из «Риголетто». Возможно. Но выстроен он на современном материале, художественно и зловеще.

Нужны нам такие фильмы? – риторический вопрос. Они уже есть и будут. Это называется свободой творчества. Полезны? Возможно, но при условии, что зритель, да и сам автор, слышали о покаянии, о возможности восстания павшего человека, о том, что есть всеобщие нравственные законы, хранимые в традиционных религиях.

Чтобы анализировать кино о сущности порока, в котором нет авторского намека на то, что падший человек может восстать из пепла, нужен особый инструмент анализа, иначе фильм нанесет ущерб неокрепшей душе.

Как дважды два можно выучить, что фильм, говорящий со зрителем на православном языке, обязан нести евангельскую истину, трактовать ее в святоотеческой традиции. Кадр должен быть иконичен,

Мы знаем, что есть книги, которые не рекомендуется читать духовно не окрепшим людям. То же можно сказать о фильмах, тем более о таких ныне распространенных жанрах, как фэнтези, триллер, треш. К примеру, фэнтези может быть близко к волшебной сказке. А может слиться с триллером, построенном на чувстве мистического страха, что духовно не нейтрально. Зрителю следует иметь навык и знания, чтобы разобраться в природе буквальных смыслов и иносказаний, заложенных авторами в кино, природа которого удивительным образом жизнеподобна и потому привлекательна.

Кино как искусство существует второе столетие. Оно вобрало в себя опыт традиционных искусств и наработки нанотехнологий. Это дает возможность выстраивать столь убедительный и яркий образ экранной реальности, что люди начинают путать жизнь и кино. В последние годы в творчестве режиссеров все выразительнее звучат религиозные мотивы. «Древо жизни» Малика, «Фауст» Сокурова и «Меланхолия» фон Триера, «За холмами» Мунжиди, «Остров» Павла Лунгина, «Поп» Владимира Хотиненко, «Орда» Андрея Прошкина вызвали интерес у огромной аудитории. Одни, к примеру, называют фильм «За холмами» антиклерикальным и атеистическим, другие считают, что в нем затронут острейший вопрос современной духовной жизни – младостарчество.

Где они киноведы-богословы, которые могли бы помочь разобраться в сложнейшей проблематике названных и других фильмов? На мой взгляд, с духовной точки зрения должен и может быть рассмотрен любой фильм.

отражать красоту мира, стремление к гармонии, дарить отсвет Первообраза. Фильм должен утверждать светлый идеал, быть христоцентричным. Даже в античной драме уже был заложен катарсис, нравственное чутье понимания добра и зла и возможность переосмысления событий. Выучить – можно, но как воплотить на экране? Все это – тонкие материи духа.

Мой главный тезис: в России – увьи! – нет экспертных институтов, которые могут компетентно судить о духовном контенте фильма. Не намечено их появление, нет методик анализа профессиональной, художественной составляющей кинофильма и его религиозного смысла. Говорят, при Ватикане есть. Католики внимательно следят за кинопроцессом. У них большая фильмотека, свои специалисты. В России, почти на столетие насильно отлученной от православных традиций, нигде не воспитывают православных журналистов, киноведов, режиссеров. Да, у нас есть великая русская литература и литературная критика XIX века. Но на дворе технократический XXI век. И люди во многом стали иными. Больше доступа к информации, меньше сосредоточенности на процессах культуры.

Протоиерей Андрей Кураев на одном из круглых столов «Радонежа» говорил о высоконравственном, православном потенциале лучших советских фильмов 60-х годов. Давайте разбираться и с этим. Благо, что советские фильмы сегодня щедро идут по телеканалам. Здесь тоже не все просто. Спросим: Таня Теткина, героиня панфиловского дебюта «В огне брода нет», за что умерла? Случайно ли, в целях самозащиты в нее выстрелил белогвардейский офицер, испугавшись булыжника в руке обезумевшей санитарки-художницы? В сценарии Евгения Габриловича, кстати, был другой финал. Таня осознанно шла к помосту виселицы, чтобы умереть за веру в то, что настанет когда-нибудь время всеобщей гармонии.

В 60-е культовым был фильм «Девять дней одного года». Обаятельные актеры – Алексей Баталов, Иннокентий Смоктуновский, Татьяна Лаврова – играли лучших представителей советской научной интеллигенции. Органичные, подлинные герои Михаила Ромма умели открывать тайны атомной энергии, но не умели жить и любить. Это чувствуют современные молодые зрители. На занятиях во ВГИКе я услышала, что из-за того они считают этот фильм мрачным и унылым.

Семья Гусева бесплодна. Новенький советский Академгородок, братство ученых и множество нерешенных нравственных проблем на фоне высоких слов о жертвенности во имя науки и человечества не дают ответа на вопрос о смысле жизни. Это было время, так сказать, усеченной культуры. Абстрактный гуманизм как метафизическая парадигма – вот что, на мой взгляд, осталось от фильма Ромма в Вечности. Суть атеистического времени сквозит в каждом кадре. Невозможно выше себя прыгнуть, даже управляя мирным атомом. В этом была драма советского человека. Можно накануне операции сбежать с женой и другом в «Арагви». А дальше что? Страшна реальность близкой смерти.

Чтобы анализировать духовную составляющую кинопроизведения, необходимо серьезно учиться. Нужны специальные катехизаторские курсы для киноведов, критиков, журналистов, педагогов. Катехизаторы должны понимать и уметь анализировать природу кино. Еще, думаю, хорошо бы иметь на это дело благословение. Духовную защиту. Иначе не получится ничего толкового ни для исследователя, ни для слушателя, ни для авторов фильма. Один соблазн. Многоговорение и взаимное раздражение.

Есть удивительный труд Михаила Дунаева «Православие и русская литература». В нем сделана попытка посмотреть глазами литературоведа, культуролога и богослова на творчество писателей, начиная с древней литературы до наших дней. Сколько нападок было на Михал Михалыча: то слишком резко, то прямолинейно, то неточно трактует он поэзию Ахматовой или романы Гоголя и Булгакова... Но это крупнейший труд специалиста и богослова. В кинокультуре пока нет ничего похожего. Нет даже попытки посмотреть на явление кино, отечественного или мирового, его историю и современный кинопроцесс с точки зрения евангельской и святоотеческой традиции, чтобы увидеть, где и как совершаются подмены, где пробивается правда Божия. Где вместо Христовой правды прет антихристово. Как в фильме «Царь» Павла Лунгина, где царствует юродствующий Мамонов в одеждах Ивана Грозного. Больше похоже на костюмированный триллер, чем на историческую драму. Фигура митрополита Филиппа, последняя роль смертельно больного Олега Янковского, остается лишь фоном повествования. Отсюда и подмены. Другой пример: сколько бы ни говорили о

главной составляющей Прошкинского «Чуда» – об отношении общества к сверхъестественному, сам образ сверхъестественного остался на уровне лубочной картинки из дешевого фэнтези.

В последние два десятилетия в российском кино активно развивается новое направление – катехизаторское, духовно-просветительское. Их аккумулируют фестивали православного толка. Лучшие из этих лент греют душу, дают пищу для размышления. Можно назвать «Инокнию» Галины Адамович (Гран-При «Встречи»), «Русский заповедник» Валерия Тимощенко, «Портреты на фоне монастыря» Татьяны Карповой (призер «Встречи» и «Радонежа»), «Русалим» Александра Казакевича (приз «За лучший фильм» XVI кинофестиваля «Радонеж»).

«Русалим» Александра Казакевича и Владимира Шуваникова, к примеру, – новое слово в жанре паломнических фильмов. В нем заложено глубоко личное отношение авторов к предмету рассказа, главному герою, незаслуженно забытому архимандриту Антонину (Капустину), собравшему для русских в середине XIX века участки земли на Святой Земле. Фильм, на первый взгляд, снят неприятно. В жанре развернутого репортажа с места событий. В объектив кинокамеры попадают паломники, современные насельники святых мест – Горного монастыря, Хеврона, Гроба Господня... Закадровый голос, взволнованный, неравнодушный, комментирует страницы Священной истории, историю собирания земель архимандритом Антонином (Капустиним), историю его жизни, судьбу России XX века и судьбы современников, живущих в святых местах сегодня. Постепенно на экране возникает единый образ Времени, ставшего Вечностью. Так во Времени все пронизано Высшим Смыслом. Образ Времени-Вечности запечатлен на экране и в слове.

Направление православного кинематографа как феномен религиозного кино в России набирает силу, расширяет пространство современного киноискусства, предлагает и авторам, и зрителям внимательнее всмотреться в жизнь собственной души, в картину окружающего мира, вспомнить о традициях, долго попираемых официальной властью и отчужденных современной культурой. Как мне кажется, на этом, для начала, следует сосредоточить внимание нарождающемуся благодаря фестивальному движению институту православных экспертов в сфере кино.

Ирина Монахова

«Жив Бог – жива душа моя!» В.Г. Белинский о религии

Каким широкому кругу современных читателей представляется Виссарион Григорьевич Белинский? Наверное, прежде всего неистовым автором знаменитого письма к Гоголю. Но это лишь один из аспектов его многогранного облика, один из этапов его жизненного пути, хотя и недолгого, но такого яркого. Каким же он был, Белинский?

«Одно из самых чутких сердец, ... самый подвижный, беспокойный, пламенный ум, страстно, мучительно и искренно искавший истины», – сказал о нем В.Г. Короленко. И.С.Тургенев назвал Белинского «центральной натурой», «одним из руководителей общественного сознания своего времени».

Юный Виссарион приехал в Москву, где ему суждено было начать свою литературную деятельность, из Пензенской губернии, из города Чембара, где жила вся его семья. Его отец Григорий Никифорович был штаб-лекарем. Он, в частности, принимал участие (как врач) в одном из сражений 1812 года, которые велись против наполеоновских войск, за что был награжден медалью. Вот и Виссарион Григорьевич появился на свет в эти беспокойные, «роковые» времена, в 1811 году (недавно отмечался 200-летний юбилей великого критика), в русской военной крепости Свеаборг (ныне Суоменлинна, Финляндия).

Пребывание семьи Бельнских (именно такой была изначально его фамилия, которую он сам потом смягчил, записавшись при поступлении в университет Белинским) в армейской среде внесло в жизнь Виссариона Григорьевича неожиданную особенность. Его крестным отцом согласился стать великий князь Константин Павлович, родной брат императора Александра I, участвовавший в военных действиях тех лет (при крещении он лично, разумеется, не присутствовал, его заменяло там другое лицо). Это было основанием для получения Белинским потомственного дворянства, каковое Виссарион Григорьевич и обрел, правда, гораздо позже – через много лет.

Кажется, суровость места и времени рождения Белинского наложила неизгладимый отпечаток на его натуру, отличавшуюся, прежде всего, силой духа, бойцовским темпераментом, не-

вероятной энергетикой. Весьма точно выразил В.Г. Короленко суть личности Белинского: «Это был истинный рыцарь духа, без страха и упрека».

Итак, корни рода Бельнских были далеко отсюда – в Пензенской губернии. Там, в селе Бельнь Чембарского уезда служил священником в местном храме его дед, человек в своем роде замечательный. Он в своем служении тоже был *неистовым*. На склоне лет, вырастив детей, он удалился от дома, стал вести затворническую жизнь в посте и молитве – фактически принял схиму. В семье его считали праведником. Этот внутренний огонь передался и внуку, который замечал в письмах друзьям: «Как попристальнее и поглубже всмотришься в жизнь, то поймешь и монашество, и схиму», «Мы живем в страшное время, судьба налагает на нас схиму, мы должны страдать, чтобы нашим внукам было легче жить». Самопожертвование в служении своему делу было свойственно и ему.

Каким вообще было отношение *неистового Виссариона* к религии? Прежде сложилось стереотипное и весьма примитивное представление о Белинском как об атеисте. Однако этот вопрос гораздо сложнее, и при более тщательном рассмотрении его биографии и творчества можно убедиться, что он не был атеистом, то есть человеком, не верящим в Бога и отрицающим его существование. Более того, он на всю жизнь сохранил благоговейное отношение к сущности христианства – к Христу как к самому светлому и самому святому в жизни. Однако его отношение к церкви (в том виде, в каком она существовала в то время, то есть как своего рода государственное учреждение) было неоднозначным. Он, конечно, знал, что среди священников было немало людей просвещенных и искренне преданных своему служению (прежде всего, на примере своего

Портрет Виссариона Белинского работы художника Ивана Астафьева

деда), но в то же время он замечал и подчеркивал негативные черты части духовенства.

Об отношении Белинского к религии свидетельствуют его собственные слова: «Основа и причина нашего совершенства, а следовательно, и блаженства есть благодать Божия»; «Без личного бессмертия духа жизнь – страшный призрак. < . . . > Я верю и верую! < . . . > Да – жив Бог – жива душа моя!» – это из писем Белинского 1837 – 1838 годов. О моментах своего творческого вдохновения он говорил: «Я ощутил в себе присутствие Божие, мое маленькое я исчезнет».

В 1840 году он писал: «Для меня Евангелие – абсолютная истина, а бессмертие индивидуального духа есть основной его камень. < . . . > Да, надо читать чаще Евангелие – только от него и можно ожидать полного утешения».

«Религия есть основа всего и < . . . > без нее человек – ничто», – констатировал он в 1839 году. И в конце жизни, в декабре 1847 года, заметил: «Вне религии вера есть никуда не годная вещь».

А сказанные о себе 27-летним Белинским слова звучат как программные для всей его жизни: «Я солдат у Бога: он командует, я марширую. У меня есть свои желания, свои стремления, которых он не хочет удовлетворить, как ни кажутся они мне законными;

я ропщу, клянусь, что не буду его слушаться, а между тем слушаюсь и часто не понимаю, как все это делается. У меня нет охоты смотреть на будущее; вся моя забота – *что-нибудь делать, быть полезным членом общества*. А я делаю, что могу».

И даже в знаменитом «зальцбрунском» письме к Гоголю Белинский не выступает как атеист. Если бы он был атеистом, он так и сказал бы, что не верит в Бога. Но он рассуждает вовсе не так: для него Христос – по-прежнему нравственный идеал: «Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения». Вообще, говоря об отношении Белинского к религии, следует рассматривать в равной мере все этапы его жизни, а не только последний, когда было написано письмо к Гоголю.

Благоговейное отношение к истокам, основам христианства и отрицательное отношение к церкви – такое сочетание было характерным для некоторой части просвещенных людей в России XIX века. Среди них стали появляться моменты разочарования в традиционной церковной практике, в месте церкви и роли священника в обществе, да и в нравственном уровне самого общества, на которое, по видимому, религия и церковь не смогли оказать должного влияния. Возможно, последнее и было главным. Например, возникал вопрос: как в стране, где христианство признано официальной, государственной религией, может существовать такое безобразное явление, как крепостное право? И закрадывалось сомнение: а способна ли христи-

анская вера сделать людей лучше и отношения между ними – гуманнее и желает ли церковь что-то сделать в этом направлении? Это сомнение может привести к далеко идущим выводам – к атеизму, безверию. Таким образом, недовольство несовершенством общества переносилось на религию, которая, по идее, должна была бы это общество воспитывать, облагораживать, и на ее «проводника» – церковь.

Во времена Белинского такой ход мыслей начинал приобретать все большую популярность. Некоторую часть интеллигенции в дальнейшем это привело к атеизму, но не Белинского. И реалии современной ему действительности вовсе не подвигли его к отрицанию религии вообще. Но для него как христианина акцент всегда был не на внешних проявлениях религиозности (от которых было, наоборот, отталкивание), а на стремлении жить по правде, на любви к ближнему, на внимании к участи каждого человека: «Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подзревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч!».

Впрочем, даже и в том, что касается «внешних проявлений», тоже все было не так однозначно. Например, 18-летний Белинский – студент университета – возмущался в письме матери: «Вы уже в другом письме увещеваете меня ходить по церквам. <...> Шататься мне по оным некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел, которыми должно заниматься». Но слова из другого его письма, написанного много лет спустя, свидетельствуют о

том, что в церковь он ходил. 32-летний Белинский, сообщая своей невесте, М.В. Орловой, о некоем документе, необходимом для венчания, в частности, писал: «Я просил моего знакомого переговорить со священником, у которого я исповедуюсь и причащаюсь, может ли он обвенчать меня по этому университетскому свидетельству».

Другой пример. В письме к тому же адресату Белинский шутливо замечал: «Вы меня по вечерам крестите: почему ж и не так, если это забавляет вас? А я – меня тоже забавляет эта игра: продолжайте». Но несколькими годами ранее он как о чем-то дорогом и заветном пишет о своем крестике, настойчиво прося своего друга Д.П. Иванова помочь вернуть его: «В прошлом письме моем, которое теперь приходится повторить благодаря твоей аккуратности, я писал, во-первых, о том, чтобы ты как-нибудь постарался переслать мне крестик, который я, сняв с себя в бане, отдал Ване, а он, по своему ротозейству, забыл мне его отдать. Этот крестик мне дорог, и если он пропал, мне будет очень грустно: я получил его от Н.Я. Петровой, которая дала мне его с таким искренним желанием мне добра и счастья, какого можно ожидать только от людей родных и близких. Бога ради, похлопочи переслать его по почте».

Интересны не только отвлеченные рассуждения Белинского о религии, но и некоторые заметки о житейских ситуациях или путевых впечатлениях. Они существенно дополняют представление об отношении Виссариона Григорьевича к этой сфере жизни.

Вот, например, юный Белинский, ехавший в 1829 году из родительского

ОБ АВТОРЕ

Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Живет в Москве. Автор книг «Бог и человек: путь навстречу», М., 2000; «Небесное и земное. Статьи о художественном и духовном творчестве Н.В. Гоголя», М., 2009. Среди ее работ книги: «Н.В. Гоголь. Из писем. “Что может доставить пользу душе”», М., 2006; «В.Г. Белинский: “Вся жизнь моя в письмах”». Из переписки В.Г. Белинского», М., 2011 (составитель и автор вступительных статей). Автор ряда статей, опубликованных в журналах «Вопросы литературы», «Наш современник», «Москва», «Слово», «Литература в школе», «Нева» и др. Член Союза писателей России.

дома в Москву поступать в университет, пишет с дороги родным о своих дорожных впечатлениях. С острым юмором, иронически он рисует такую «жанровую сценку», произошедшую в Рязани: «По приезде на постоялый двор, я первым делом поставил побродить по улицам Рязани для осмотра оной. Едва отошел от своей квартиры на десять шагов, как увидел подходящую ко мне духовную особу. Служитель алтарей, поровнявшись со мною, снял шляпу, как со старинным знакомым лицом, раскланялся и, пожелав *доброто здоровья*, козлиным голосом проблеял: “Милостивый государь! Пожалуйте отцу Ивану на бедность две копейки”. Я догадался, что в кармане почтеннейшего отца Ивана *обретается* только шесть копеек и, следовательно, недостает двух. Молча подал я ему два гроша. Тронутый и удивленный такую *необычайною* щедростью, он осыпал меня благословениями, благодарениями и со всех ног пустился бежать... куда же? В кабак, который находился от нас в нескольких шагах. Пожелав мысленно святому отцу повеселиться в храме Бахуса, я пошел далее».

Через много лет, рассказывая о путевых впечатлениях уже другого путешествия (поездки с М.С. Щепкиным на юг для лечения в 1846 году), Белинский в письме жене передает такую «зарисовку с натуры»: «...На полдороге встретился крестный ход: из Курска 8 июня носят явленный образ Богоматери в монастырь, при котором стоит ярмарка. Вообрази тысяч 20 народу, врозь идущего по колена в грязи, и который, пройдя 27 верст, ляжет спать под открытым небом, в грязи, под дождем, при 5 градусах тепла».

Интересно, что уже в этом описании нет ни иронии, ни насмешки. Кажется даже, что наоборот – затаенная печаль скрывается между строк. Белинский, который никогда не мог довольствоваться некими абстрактными построениями, объясняющими действительность, как бы прекрасны они ни были, а жаждал всегда жизненных впечатлений, пусть и не всегда привлекательных, и своего непосредственного участия в действительности, – он, кажется, с изумлением и даже с некоторой завистью смотрит на людей, может быть, необразован-

ных, темных, но непосредственно причастных к живому делу и еще к чему-то большему, что не каждому дано понять.

Белинский – натура тонкая и сложная, отличающаяся необыкновенной искренностью и способностью к стремительному развитию в поисках истины. И с помощью такого определения, как «атеист», совершенно невозможно объяснить его мировоззрение во всей его многогранности. Сложное сочетание таких аспектов, как христианская основа мировоззрения, пристальное внимание к участи каждого человека и поиск путей улучшения этой участи, – такое преломление получило восприятие христианства у Белинского. Ведь любовь к ближнему – это для христианина не просто благое пожелание, а одна из двух первых религиозных заповедей, равная заповеди любви к Богу.

Почему же прежде, в советский период, Белинский был прямо-таки революционной фигурой, а его письмо к Гоголю – чем-то подобным «Коммунистическому манифесту»? Да потому, что из всего многогранного облика Белинского намеренно выхватывались и преувеличивались только некоторые черты. На творческом пути Белинского – мыслителя и философа – были и увлечение идеями Гегеля, Фихте, Шеллинга, которые он творчески развивал в своих статьях, и период «примирения с действительностью», и интерес к социалистическим идеям, и на каком-то этапе сочувствие революционным настроениям. Правда, симпатии к революциям выражал он только в письмах к близким людям и просуществовали они недолго. Вскоре он разочаровался в этом увлечении (на примере революционных событий в Западной Европе 1840-х годов). И о том, каковы были его политические взгляды в конце его недолгой 37-летней жизни, довольно четко говорит его знаменитое письмо к Гоголю (1847 г.).

Главный пафос письма – необходимость отмены крепостного права и критика церкви, о чем Белинский писал присущим ему «огненным» словом. Его негодование возникло в ответ на то, что Гоголь в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» писал о крепостном праве вроде бы примирительно, как будто не видя в нем негативных сторон. Кроме того, вся эта

книга пронизана мыслью о необходимости воздействия христианства на повседневную жизнь каждого человека, что обязательно должно усовершенствовать и общество в целом.

Белинский же, возражая Гоголю, пишет: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть». Никаких призывов к революции или свержению царя тут нет. И как раз от высшей власти Белинский ожидал осуществления давно назревшей крестьянской реформы, которая тайно готовилась под руководством царя (несмотря на недовольство высшей аристократии) и при участии некоторых помещиков, обсуждавших этот вопрос в специально созданном комитете. От одного из них Белинский знал об этой тайной подготовке.

Таким образом, Белинский и Гоголь выразили два основных направления развития общества: социально-политические реформы и нравственное совершенствование человека. Хотя их «диалог» выглядел как конфликт, но, по существу, оба эти направления необходимы и нужно их сочетание, а не противопоставление.

Ополчившись в этом письме против церкви, Белинский, однако, не заявляет о своем атеизме. О его своеобразном отношении к религии говорят такие слова письма: «Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимает, что молиться везде все равно, и что в Иерусалиме ищут Христа только люди или никогда не носившие его в груди своей, или потерявшие его. Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжело зрелище угнетения чуждых ему людей, – тот носит Христа в груди своей и тому незачем ходить пешком в Иерусалим».

Так что и революционность, и атеизм Белинского – это большое преувеличение. Но в то же время негодующий пафос *неистового Виссариона* был вызван действительно тяжелыми проблемами и болезненными язвами русского общества, а реформы, которые он считал необходимыми, были в дальнейшем проведены.

Людмила Бутузова

Бросить все и уехать в Поповку

Как бывшие депутаты и колхозники зарабатывают на отмывании картошки

Андрей Самошин

КАК ВЛИП «МАКСИМ ГОРЬКИЙ»

Чужому человеку затеряться в картофельном комплексе проще простого. Увернулся от летящей кары, шарханулся от погрузчика, перетаскивающего авоську с тонной картошки, и все – голова кругом, уже не соображаешь, где ты. Как хоть работяги тут ориентируются?

– Да я сам сначала ходил как пришибленный, – успокаивает молодой парень, ловко подхватывая с конвейера сетку с картошкой. – Тут такая нечеловеческая мощь, что казалось: справиться невозможно.

Парня зовут Николай. Деревенский. Ездит на работу в Поповку, где расположена эта самая нечеловеческая мощь, за пять километров. Ближе работы нет.

– Выжжено все, – буднично говорит он. – Раньше у нас свой колхоз был, я после армии на комбайнера выучился. Только не нужно все это оказалось.

Такая история – у каждого второго, кто прибил к единственному выставявшему в Чернском районе хозяйству «Максим Горький».

– До сих пор не верю, как мы сами-то вывернулись, – тяжело вздыхает Валентина Громова, зам. генерального директора ООО «Максим Горький». – Просто счастливый случай, что нас подхватили грамотные люди.

«Максим Горький» влип в банкротство весной 2006 года, когда все

На просторах отечественного аграрного сектора – разоренного и полуживого – найти процветающий островок не так-то просто. Но такие примеры все же есть.

Наш обозреватель Людмила Бутузова побывала в Чернском районе Тульской области, где скандально известный тульский политик и самый эпатажный российский банкир, занявшись выращиванием картошки, изменили жизнь бывшего сельхозпредприятия «Максим Горький».

25 хозяйств Чернского района уже пали. Можно было к гадалке не ходить, чтобы знать: с лица земли исчезнет и последний оплот колхозного строя.

– Люди были в шоке, – рассказывает Громова. – Какое банкротство? Хозяйство было в рабочем состоянии, мы имели 2000 свиней, 1800 голов крупного рогатого скота, из шести с половиной тысяч гектаров не было ни одного необработанного клочка. Да, имелись долги, но их с лихвой покрывало наше имущество.

– Кто банкротил?

– Не знаю, – говорит Валентина Федоровна, – надели сразу все – налоговая, энергетики, банки. А может, и присмотрел кто... Хозяйство на федеральной трассе: пара заправок по обе стороны дороги – и ты «в шоколаде» до конца жизни.

Дело осложнялось тем, что «Максим Горький» был обвешан огромным жилым фондом, детсадами и школами, – понастроили еще в советское время, когда ходили в миллионерах и волокли эту ношу на себе. У района просто не было средств взять дома на балансе и содержать коммуникации. Если хозяйство распродадут, то 300 человек лишатся не только работы, но и крыши над головой, просто потому, что жить без света, воды, канализации и тепла невозможно. Поповка, Кондыревка, Леонтьевка, Михайловка выли по колхозу, как по покойнику.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Депутат Госдумы позапрошлого созыва от Тулы Андрей Самошин приехал на встречу со своими избирателями и попал в самый разгар событий – с воплями, слезами и проклятьями. Через неделю он приехал снова, уже не один, а с женой Еленой, фермершей из Ленинского района, специалистом по разведению картофеля.

Собрали народ, пообещали заплатить колхозные долги и в короткий срок сделать из банкротства процветающее хозяйство. При условии, что хотя бы часть крестьянских паев отойдет им в собственность, иначе нет смысла вкладывать деньги.

– Люди совсем разозлились, – вспоминает механизатор Василий Михайлович. – Все с этого начинают: отдай пай, и будет тебе счастье. Видели мы потом, чем это счастье оборачивается.

Но выбора не было: либо рискнуть и согласиться на условия инвесторов, либо сидеть и ждать, когда хозяйство растащат по кусочкам.

А тут еще Самошины стали платить за пай (7,8 гектара) по 30 000 рублей. В последнее время зарплата была – тысяча, многие рады были ухватиться, оправдывали сами себя: «Что мне с этой землей делать? Все равно зарастет...»

Однако было видно, что новые хозяйева покупают землю вовсе не для того, чтобы она зарастала. В хозяйство пришла импортная техника, которой здесь сроду не видели, завозились семена и средства защиты. Люди боялись поверить, что работа уже началась и год не вывалится.

– Я сам крестьянин, знаю, что такое для хозяйства потерять год, – говорит Андрей Самошин. – Как ни старайся, его потом не поднимешь.

В первый год, при объявленном банкротстве, «Максим Горький» вырастил 14 тысяч тонн картофеля и рассчитался с долгами. На второй год хозяйство стало рентабельным. Заработанные деньги вложили в строительство, и оно шло такими темпами, что картофельный комплекс расширялся и обрастал механизмами буквально на глазах. Вроде еще вчера перебирали и ворочали картошку руками, а уже сегодня большинство операций – сортировку, переработку и фасовку – делает

техника. И компьютеров при картошке столько, сколько не насчитаешь в ином продвинутом московском офисе.

– Если бы опять абы как, без модернизации и науки, то ничего бы тут и не получилось, – уверенно говорит Валентина Громова, проработавшая в хозяйстве сорок лет. – У нас же сейчас картошка не просто валом, без имени-отчества, как к ней относились раньше. Больше двадцати сортов, каждый для определенных целей: этот на чипсы, этот на пюре, а этот, к примеру, на длительное хранение. Интересно работать, все время узнаешь что-то новое. Просто жалею, что в мои лучшие годы была обыкновенная отбываловка.

Сейчас Громова пашет как лошадь, с лихвой наверстывая упущенное. На седьмом десятке лихо рулит «Нивой-шевроле», головой отвечает за урожайность на каждом поле и держит в кулаке работу крупнейшего в Европе картофельного комплекса.

Он и в самом деле крупнейший. Потому что максимум на что способны перерабатывающие мощности в Европе, – 100 000 тонн картофеля, а здесь легко «проглатывается» 120 000 тонн и спокойно можно запихать еще столько же, что, собственно, Самошины и намерены сделать в ближайшем будущем.

В их картофельной империи сейчас несколько тысяч гектаров земли, 700 работающих. Никаких гастарбайтеров, все местные, из бывших колхозов, которые пошли на дно, потянув за собой крестьян. В Чернском районе, как и везде, потомки обитателей тургеневского «Бежина луга» спасались пьянством. Даже удивительно, где «Максим Горький» отыскал столько трезвенников для осуществления своих грандиозных планов.

– Да ты чё, – покрутил пальцем у виска дядя в летах, разглядывающий новый комбайн, – Кто пил, все уж давно подшились или закодировались. Попал сюда – считай, повезло. В Германию посылают на переобучение. Мне, например, тоже обещали. Все механизаторы Москву побросали. Да и что там делать? В охране чуркой сидеть?

Дядя попробовал, но когда заработал «Максим Горький», рванул домой. А там уже конкурс – пять человек на место. Для деревни явление небывалое.

СКУКА ОХОТНОГО РЯДА

– Если бы вы знали, как мне сейчас хорошо, – говорит бывший депутат Госдумы Андрей Самошин, ничуть не жалея о годах, проведенных на Охотном ряду. – Там такая скука и совсем не интересно, а здесь мы занимаемся реальным делом, мысли другие: надо увеличить междурядья – урожай повысится на десять процентов, вывести новый сорт, чтобы картошка была послаще и покрахмалистей... Красота!

Приятно, конечно, что бывшие слуги народа, измочаленные законодательством, еще способны адекватно реагировать на простые жизненные радости. Но все же самый интересный вопрос: откуда деньги на гигантский картофельный проект пусть и у бывшего депутата Госдумы от Тульской области, но с биографией простого крестьянина, окончившего Тимирязевку? Не верится, что скопил на фермерском хозяйстве в Ленинском районе.

– Это деньги одного банкира, – говорит Самошин и после паузы называет фамилию своего покровителя – Александра Лебедева, известного тем, что когда-то хотел подсидеть бывшего московского мэра Юрия Лужкова, а потом пригрозил на груди оппозиционную властям «Новую газету», став ее соучредителем. Впоследствии Лебедев прославился и в Лондоне, купив там старейшую английскую газету.

– Да, он неординарный, – соглашается Самошин. – Но никто больше не дал нам на раскрутку 60 миллионов рублей. Под честное слово. Картошка – не его бизнес. Просто, наверное, хотел узнать, так ли убыточно сельское хозяйство, как у нас принято думать. Мы доказали обратное.

В принципе, за знакомство со своим спонсором Андрей Самошин должен благодарить бывшего тульского губернатора и гэкачеписта Василия Стародубцева. В конце девяностых жители Ленинского района, вопреки губернаторской воле, избрали главой молодого фермера Самошина и тут же заплатились за это: бюджет района был урезан на 40 процентов – на те самые, что переводила область на содержание бюджетных организаций.

– А у меня 26 школ, 23 садика... – вспоминает Самошин. – Что делать? Ездил с протянутой рукой по московским банкирам, просил помочь муниципальному образованию. Надо мной

смеялись или просто не пускали на порог. Нашелся всего один сочувствующий – Лебедев, дал пять миллионов рублей под залог раздолбанного пионерского лагеря. Больше мне предложить было нечего. Да ему, собственно, лагерь и не был нужен. Я по глазам видел: не верит, что мы вообще когда-нибудь отдадим долг. Но мы отдали. И потом брали еще не один раз – на газификацию поселков, например. Отдавали всегда, как это было ни мучительно.

За муки, видать, банковский воротила и прикипел к главе Ленинского района. А когда молодой Самошин заматерел и ввязался в схватку со Стародубцевым за губернаторское место, поддержал дружка финансово. Правда, не помогло. Молодого политика все равно размазали по столу, и он на пару со своим покровителем пошел в Госдуму набираться опыта. Тогда выборы были еще не такими пресными, на волне скандала туляки голосовали за Самошина двумя руками, в том числе и в Чернском районе, куда через четыре года он вернется в качестве генерального директора ООО «Максим Горький». А его многолетний партнер, тоже оставив парламентские труды, займется политикой в Интернете, не без чудачества величая себя «социально ответственным картофелеводом».

Чернские крестьяне практически не читают чужие блоги. Там раз в месяц смотрят в ведомость по зарплате. И когда напротив фамилии стоит цифра 20 000 рублей, хочется еще поднажать, чтобы в следующем месяце получить уже двадцать пять. В принципе, это возможно. Картошка – отзывчивая культура, если, конечно, и к ней относиться по-человечески.

Елена Литвяк

Анна, Макарий, Дмитрий Непридуманые рассказы о любви

(Продолжение. Начало в «Лампаде № 5)

– А к доктору ходили?

– Ходили. Велел давать сладкую водичку. Мы даем, а он уж и не кричит, стонет только. Все пеленки перепачкал, не сохнут.

– Господи! Как же это?! – всплеснула руками соседка. – Погоди, погоди помирать...

Теперь уж и имени ее никто не скажет, только Ты, Господи, его помнишь. Баба Поля давно умерла, и Нина, свекровь моя Нина Федоровна, тоже. Деревенские звали ее богомолкой. Она ходила ко всем службам в чудом не закрытый Троицкий храм в трех остановках по «железке» от деревни.

– Господи, пожалей младенца Андрейку! – просила она перед Твоей иконой. И Ты пожалел. Соседка была медсестрой в райцентре. И у нее дома были кое-какие лекарства. Она принесла бабушке Поле сложенную вчетверо бумажку и сунула ей в руку. Всего одна маленькая белая таблетка, разрезанная на части. И малыш утих. Прекратился страшный понос. Сухая уже кожа на личике постепенно стала розоветь.

...Значит, не случайно мы вместе, не случайно. А предназначены друг для друга вон из какой дали, когда и не подозревали еще, а меня и вовсе на свете не было. Так и хочется высунуть по-детски язык и показать ей – уходи прочь, подлая, не мути душу! Но она

снова ворчит: «А крыша? Вечно текущая крыша домика в деревне, которой скоро сто лет? Каждое лето одно и то же – там приладишь заплатку, сям приладишь. Все ничего, а как сильный ливень – опять где-нибудь подставляй тазик... И что это взбрело твоему мужу в голову – взять однажды маленького еще Макарушку наверх, а с ним и Аню? Ты забыла, как испугалась?».

Нет, не забыла. И еще помню, как дети визжали от счастья: «Наш папа – Карлсон! Он любит варенье и лазает по крышам!».

Ну и что – крыша? Зато как самозабвенно мы катались на лыжах нашей первой общей зимой, как ходили пешком из города в деревню через лес и поле, и все было, как у Визбора, – «лыжи у печки стоят...». Это была такая счастливая зима, Андрюша все время пел, каждый вечер, даже картошку мы чистили, распевая.

И куда все делось? Куда все это девается с завидной периодичностью? Почему мы так легко становимся скучными, злыми, унылыми? Солнце сияло на наших плечах во время венчания. Говорят, был дождик, ноябрь все-таки. А я этого дождика не помню совсем. А вот сияние солнца помню.

«А помнишь, как трудно было тебе решиться на третьего малыша?». Ну когда же ты отстанешь! Помню, я все помню. Однажды зимой мы гуляли с коляской у пруда и слепили семейку снеговиков – мама, папа и дети, трое. Тогда у нас еще не было Митюшки, а третий снежный малыш почему-то вылепился. Аня спросила: «У нас будет еще братик?». Макарушка лежал рядом в колясочке и сопел. А я с ужасом подумала о новом младенце, не хотела так скоро. Опять равнодушные в женской консультации, грустное сиденье в очередях, бесконечные анализы и бесконечные страхи. Почему-то так получается, что это место, должно быть местом радости, очень печально. Я не видела, чтобы будущие мамы, сидящие у дверей кабинетов, улыбались. Когда мы ждали Макарушку, мне было сказано – возможно, придется прерывать, потому что у младенца высокая степень риска синдрома Дауна. Я тогда вся сжалась внутри, но все-таки выговорила: «Ничего прерывать не буду...». Тетенька в белом халате сразу как-то засуетилась: «Что вы, что вы, конечно, это ваше пра-

во!». Страшно было очень. Летом, в самую июльскую жару, родился Макарушка. Никакого синдрома Дауна у него не было. И вот опять окунуться в этот мир? Но Андрюша с легкостью лепил третьего снежного малыша.

А нам и с двумя трудно было куда-то выбраться. В воскресенье в храм – целое событие. Одеть малышкой, как на прогулку в лес, потому что добираться электричкой и еще потом три километра пешком по узенькой тропке от станции до храма. Полтора часа туда, полтора обратно. Вот эта тропка и ветер над ней заранее вгоняли меня в уныние каждую субботу. Ведь опять перемерзнем, мы же еле плетемся с этой старой коляской! Макарушке-то хорошо, он спит, как барин, в собственной карете, а Аня, которой два года и восемь месяцев, мужественно топает рядом с нами, шмыгая носом. И болели, конечно, ой как болели...

Однажды вечером в доме зачем-то появились дверные ручки, какие-то доски, гвозди. И до часу ночи («Ты с ума сошел, дети спят!») – грохот невообразимый. Андрей только сказал тогда: «Не мешай!». И опять пилил и стучал. Я махнула рукой и ушла спать к детям. А утром мы ехали в храм с двухэтажной коляской. За ночь появился «облучок» – сиденье со спинкой, с изящными деревянными ручками по бокам, которое вторым этажом приделывалось над спящим младенцем, и на него водружалась Анна. Все дети прихо-

Таким когда-то был их папа.

А сегодня у папы такой сын.

да, по-моему, сбежались в то воскресенье поглядеть на этот дивный транспорт.

...Странно: становится легче, много легче. Неужели депрессия так просто сдается и уходит от всех этих воспоминаний? Вечером Андрюша с такой любовью склонялся над Митюшкой и говорил с ним. Может, он просто боится, так же, как и я, невзначай что-нибудь повредить у этого хрупкого существа, взяв его на руки, вот и не берет? Мне-то легче, материнские чувства обновляются раз за разом, с каждым родом, а ему свое отцовство нужно растить самому, физиология не помогает никак.

И вообще, похоже, у него просто другой способ любить наших детей.

Дождик барабанит и барабанит в подоконник. Глухая ноябрьская полночь. Да, трудно жить на белом свете... И все-таки... Андрюша, Анюта, Макарушка, Митюшка – как хорошо, что мы вместе.

Любимые мои спят и не слышат.

ЖИЗНЬ. СМЕРТЬ. СВОБОДА

Опять дневник. Анне четыре года. Вечные наши «не хочу – не буду». Когда это, интересно, кончится?

...Читали рассказ Сухомлинского «Семь дочерей». Там мама уезжает далеко-далеко и возвращается нескоро, а дочери ее ждут. И каждая ждет что-то получить, когда она придет. Только седьмая дочка сообразила – сняла с мамы стоптанные ботинки и принесла таз с водой. Прочитали, поговорили о том, кто из дочек любит свою маму очень сильно и откуда это можно узнать. А дальше началась обычная житейская круговерть – дела, игры, гулянье, рисованье, чтение. Возвращаюсь как-то домой, очень жарко, пыльные босые ноги в сандалиях. Переодеваюсь в комнате. Входит Анна и несет тазик с водичкой.

– Мамочка! Ты самая моя хорошая, я тебя люблю. Я всегда тебя буду слушаться!

Вот такими минутами счастья и живешь, когда нет совершенно уже сил «воспитывать».

... Серьезное событие Аниной жизни – встреча со смертью. Один на один, без мамы. Умерла старенькая кошка Маркиза, которая прожила с нами 18 лет. В последние дни она почти ничего не ела, только воду пила, а потом и воду пить перестала. Маркиза умерла тихо, словно уснула, как сказала дочка. А меня рядом не было – занятия в школе. Это событие так сильно потрясло Анну, что целую неделю все ее бесконечные вопросы вра-

щались исключительно вокруг темы смерти.

– Мам, а Маркиза попадет в рай?

– Не знаю.

– Но ты же говорила, что в раю с Адамом были все звери, значит, и Маркиза попадет в рай!

На следующий день, проснувшись:

– Мам, я видела Маркизу во сне в раю. Она улыбалась. Значит, все хорошо?

Что тут ответишь? «Не знаю»?

Попробовала так:

– Знаешь, дочушка, Господь нас всех любит и над каждым трудится. Помнишь, какая Маркиза была красивая, смешная, веселая? Не верится, чтобы она просто исчезла и все. Все, что творит Господь, Он творит навсегда. Значит, наверное, где-то Он приготовил и для Маркизы место.

Досужие измышления, богословские заблуждения, желание просто утешить ребенка? Не знаю. Но мне на самом деле верится, что «Бог сохраняет все». Ничто из сотворенного Им не может пропасть. Конечно, посмертная судьба животного и судьба человека – не одно и то же. Но все-таки не верится, чтобы столь совершенные создания были бы просто смертны и все. И все Анины игры этой недели тоже были про умирание-воскрешение.

... Летний ливень. Гроза. Тьма-тьмуца, вода через крышу врывается в наш ветхий деревянный домик и хлопает в подставленном тазике. Анюша в ужасе закрыла глаза. Двухлетний Макарий спокойно так: «Анечка, ты не бойся, я же с тобой!».

Грозу он называет «громния» – гром и молния вместе.

...Макарик:

– Мам, я чувствую свободу!

– Да? И какая же она?

– Как будто теплый дом!

Подходит Анна:

– Нет, свобода – это как легкий ветерок...

Вот так вот. Три с половиной и почти шесть лет соответственно.

ТРЕТИЙ ЭТАЖ БЕЗ ЛИФТА

Спустить коляску, четырехколесный велосипед и самокат. Одеть малыша, помочь одеться Макару, помочь со шнурками Анне, собраться самой. Мы идем гулять.

Анатолий и Ольга Потанины, 1945

Лифта в нашем доме нет и не было никогда. Обыкновенная пятиэтажка эпохи построения коммунизма. Кто тогда думал о том, что детям надо гулять, что старикам будет тяжело карабкаться по ступенькам? Все были просто счастливы, что выбрались из коммуналок в собственные квартиры. Правда, потом пожалели – и комнаты там были побольше, и потолки повыше, и лифт, опять же. Спуская по лестнице коляску, временами я сердито думаю: «Почему никому не пришло в голову просто приварить пару рельсов в подъезде? Отличный был бы пандус для колясок». Сразу становится как-то пасмурно на душе и гулять уже не хочется. Почему-то вспоминается плакат, который висел несколько лет назад по всей Москве: «Стране нужны твои рекорды» – улыбающаяся мама держит розовощеких тройняшек на руках. Интересно, как они ходят гулять? Никогда не думала, что крепкие мускулы – женская добродетель. А ведь еще и обратно возвращаться с уставшими и грязными после улицы детьми, и снова, в обратном порядке, только теперь уже по лестнице вверх – младенец в коляске, велосипед, самокат...

Нет, так невозможно. Глупо обижаться на каких-то неведомых строителей и их начальников. Дело-то давно было, в прошлом веке. А дети сейчас видят хмурые мамыны брови и не понимают, о чем я. Зато тут же начинают ныть и толкаться. Все, надо срочно брать себя в руки. Как же моя бабушка вырастила мою маму и двух близнецов – без коляски, кровати, стиральной машины, лифта, холодильника и памперсов, переезжая с места на место за мужем-офицером? И никогда не жаловалась на жизнь. В восемьдесят пять она еще мыла окна в своем доме с высокими потолками, стоя на подоконнике

третьего этажа. Ей было девяносто два, когда Господь забрал ее к Себе. Она и к Нему пошла с тихой, светлой улыбкой. Мой дедушка, двадцатичетырехлетний гвардии капитан Анатолий Потанин, шутник, красавец, герой, сразу пленил сердце моей юной бабушки Ольги, вывезенной из ужаса ленинградской блокады. Думали, в тыл, а попали в самый котел Сталинградской битвы. Бабушка, еле державшаяся на ногах после перенесенного тифа, просилась в армию. В строевые части, конечно, не взяли. А мыть тарелки в столовой при штабе – пожалуйста. Там дедушка ее и увидел. Дальше, как в кино, – вместе прошли до самой Болгарии. Солнечный город Сливен, синие скалы, маленькие домики с коричневыми деревянными балкончиками. Один из них приютил молодую семью. Оттуда в марте сорок пятого, когда война еще грохотала в Европе, дедушка отправил беременную бабушку в Чувашию, в Алатырь, к своей маме. Легко сказать – отправил: на пятом месяце беременности, с внушительным уже животом, на маленьком военном самолетике до Москвы, а оттуда поездом в Чувашию. А сам остался довоевывать. Войну дедушка закончил гвардии майором. Но домой, к молодой жене, его не отпустили. Сразу отправили в Москву, учиться в академии имени Фрунзе. Крестьянский сын оказался толковым офицером. Через три года он закончит академию подполковником, потом еще одну, академию Генштаба, с отличием, и станет генералом. А пока что Москва готовилась к Параду Победы. Накануне ночью, 23 июня 1945 года, словно в подарок моему дедушке-победителю, в маленькой больнице маленького чувашского городка родилась моя мама.

Из Москвы дедушка почти каждый день посылал письма. Крупным почерком отличника, с нажимом на перо, где полагается. Черкнет несколько слов на большом белом листе и отправляет с оказией. 12 мая: «Спешу тебе написать небольшую чертушечку и еще раз поздравить с большим праздником Победы. Живу хорошо, здоровье отличное. Как живет моя курносая Лелик?». 13 июня: «Спешу тебе, дорогая моя, черкнуть небольшую записочку, а то ты скучаешь, наверно. Береги себя, моя родная, а особенно береги наследника (дедушка, конечно, еще не знал, что через десять дней родится моя мама). Знаешь, моя дорогая, как соскучился, как охота быть вместе...». 16 июня: «Смотри, береги себя и наследника, это будет наш любимец, смотри, береги. Живу хорошо, здоровье отличное. Только, родная, скучно без тебя. Все спрашивают, как

Мама Лена и дочка Аня

твое здоровье и какой наследник, а я пока ничего не знаю». 19 июня: «Спешу, как всегда, написать тебе небольшое письмишко, а то у меня на большое письмо не хватает терпения. Ну, родная, жду нового члена семьи...».

В Алатыре была маленькая квартир-ка с кухонькой, керосинкой и водой из колонки. Там и жили четвером – моя новорожденная мама и моя бабушка со свекром и свекровью. Война уже кончилась, но еще целых полтора года продукты давали по карточкам, надо было стоять в очередях, надо было наносить воды, чтобы полоскать бесконечные мамины пеленки. «Буду учиться три года, – пишет дедушка в августе сорок пятого, – так что тебе, дорогая, придется немного поскучать». И бабушка терпеливо ждала. Не вспоминала про свой диплом химика-технолога, не рвалась на работу, сбросив младенца в ясли, как почти все тогда делали, а потихоньку растила дочку, преодолевая детские болезни, капризы и постоянную нехватку всего, самого простого и необходимого. Никакой кровати или коляски у мамы не было – все на руках или приткнута в уголок бабушкиной кровати. Когда маме было полтора года, переехали из Алатыря в Оршу, к родным. На улицах все еще стояли развороченные немецкими бомбами дома с пустыми глазницами окон. И дети играли среди развалин. Наконец вернулся дедушка, и маленькая Галочка впервые увидела своего папу. В орденах, с фанерным чемоданчиком, полным гостинцев. Уцепилась за палец и не хотела отпускать.

Но мытарствам конца не было – душушку переводили из города в город, и семья ехала следом. Белоруссия, Украина, даже Австрия. Конечно, о своем доме, уютном и устроенном, не было речи. У родившихся следом за мамой близнецов тоже не было ни кровати, ни коляски. Вся мебель казенная, со штампом КЭЧа – квартирно-эксплуатационной части, где выдавали бесплатно самое необходимое офицерским семьям для обзаведения. Бабушка, беременная близнецами, во время очередного переезда спала на полу, потому что больше негде было. И опять ни на что не жаловалась. Дети росли, уже учились, а она все сидела дома и была счастлива. И никогда не говорила, что жизнь ее не удалась, что дома скучно, что хочется самореализоваться, что быт съел ее силы, и прочее, и прочее, что сплошь и рядом слышишь от молодых мам. Да что греха таить, я тоже вздыхаю так, в особенно тяжкую минуту обострения детских капризов... А бабушка просто умела радоваться и ценить каждый день.

...Вот опять – болит глазик у Мити. Кажется, эти болячки не кончатся никогда, так и будем сидеть дома. Но вдруг неожиданный звонок доброго друга нашей семьи, быстрые сборы – и мы уже ходим под настоящим парусом вместе с семимесячным Митей в кенгурушке, надетой поверх маминого спасжилета. Старшие визжат – то ли от страха, то ли от счастья, – когда яхта наклоняется бортом и, кажется, еще чуть-чуть и черпнет воды. Но нет, это просто поворот оверштаг, мы ловим ветер и идем дальше. Лодка, как большая колыбелька, убаюкивает сына, глядящего в небо. Он засыпает. Ветер натягивает парус, мы стремительно чертим свой путь по голубому зеркалу, полному облаков. В какой-то момент перестаешь понимать, где вода, а где небо. Кажется, все во всем. Уныния как не бывало. «Глас хлада тонка, и тамо Господь...». Дух Святой, ветер Божьей Любви, уносит мрачные мысли-чувства, наполняет сильно накренившийся было парус души. И плывет дальше наш семейный кораблик по морю житейскому. В такие минуты очень остро ощущаешь: жизнь – совершенно не заслуженный тобой, грандиозный Божий подарок. Тысячу раз права моя бабушка. Тысячу раз.

Взлетаем на третий этаж с младенцем в руках и рюкзаком за спиной. Дети сияют. Как будто и не было долгого, трудного дня и еще многих других, тоже долгих и тоже трудных.

(Продолжение в следующих номерах)

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК СМЕРТЕН, И ЧТО ИЗ ЭТОГО СЛЕДУЕТ?

Игуменья Елисавета (Жегалова) – Павел Демидов
... И вовек не согрешишь 2

Алексей Варламов
Привыкнуть к смерти невозможно,
но помнить, что она есть, – необходимо 8

Лариса Беляева
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста... 10

А.И. Ильин
О смерти 12

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Виктор Ахломов
Свет и крест Соловков 14

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Протоиерей Георгий Полозов
Низкий им поклон и благодарная память 16

Руслан Армеев
Владыка Вениамин: «Создать Церковь
в каждом сердце...» 18

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров
Взойти на угор 21

Александр Яшин
«Верить в Божью милость...» 23

Наталья Лайдинен
Стихотворения 24

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
И все-таки красота – есть 25

МИР ВОКРУГ НАС

Татьяна Москвина-Яценко
Как смотреть кино? 29

Ирина Монахова
«Жив Бог – жива душа моя!» 31

Людмила Бутузова
Бросить все и уехать в Поповку 34

Елена Литвяк
Анна, Макарий, Дмитрий 36

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Александра Федорова

Обложка: Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине.
Фото Ларисы Беляевой

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.

Выход в свет 03.11.2012

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ООО «Типография Мосполиграф»
Москва, 4-й Лихачевский пер., д. 4

Контактный телефон:
8 (495) 974-3338

Тираж 1300 экз. Заказ № 2451
© Лампада, 2012

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно на сайтах
www.znamenie-hovrino.ru и pressa.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса

России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или

8 926 105 105 4

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском
парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
(ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
(Брюсов пер., 15/2)

Воскресения Христова в Сокольниках
(Сокольническая пл., 6)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря
(2-й Красносельский пер., 7)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве
(Б. Академическая ул., 33)

Иверской иконы Божией Матери на Вespолье
(ул. Б. Ордынка, 39)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими
воротами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставро-
пигиального мужского монастыря (Садовническая, 6)

прп. Алексея, человека Божия (2-й Красносельский
пер., д. 3)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

Троицы Живоначальной в Хорошеве
(Карамышевская наб., 15)

Троицы Живоначальной в Хохлах
(Хохловский пер., 12)

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове
(Борисовский пр., 15, стр. 4)

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлово
(Серебряный остров, д. 1, стр. 1)

Свято-Троицкая Сергиева лавра (г. Сергиев Посад)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище
(ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово
(г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь
(ул. Б. Лубянка, 19)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
(Газетный пер., 15)

царевича Димитрия при Голицынской
(1-й Градской) больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Троицы Живоначальной в Останкине
(1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной
(Н. Басманная, 11)

апостола Иоанна Богослова
(Богословский пер., 4)

свт. Климента, папы Римского
(ул. Пятницкая, 26/7)

Успения Божией Матери
в Казачьей слободе
(ул. Большая Полянка, 37)

Живоначальной Троицы
в Карачарове
(Рязанский проспект, 3)

ISSN 2225-0271

9 772225 027100